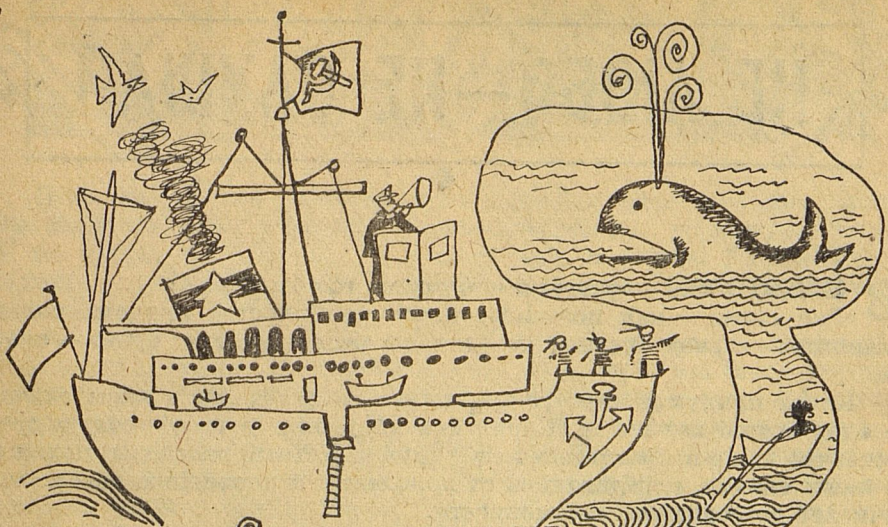
Искорка

САРАТОВ 43.50
ЯБЛОЧКОВА 2
ДЕТСК. Б-КА ИМ. ПУШКИНА
21 1.12 ИСК. 6

С Читальный зал



БЕЛЫЙ ПАРОХОД

№8
Искорка
ЕЖЕМЕСЯЧНИК
газеты «Ленинские искры» - орган Ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ Ленинградского Совета пионерской организации имени В.И.Ленина
АВГУСТ • 1968
год издания XII

Семён КОГАН

Я придумал речку —
И речка потекла,
Я придумал лодку —
И лодка поплыла.
Я придумал небо,
Берег и траву,
А ещё придумал,
Будто я плыву,
А потом придумал
Белый пароход,
Будто бы он тоже
По реке плывёт.
Мне кричат матросы:
— Выручи, сынок!
Если бы ты море
Нам придумать смог!
Тесно пароходу
В маленькой реке!.. —
Взял я и придумал
Море вдалеке:
Над кормою чайки
Весело снуют,
За кормою волны
На дыбы встают,
На волне качаясь,
Словно пароход,
Кит неторопливо
По морю плывёт.
Запустил он в небо
Голубой фонтан,
И сказал с улыбкой
Старый капитан:
— Пусть дорога
В сказку
Будет нелегка,
Если хочешь
С нами —
Вот моя рука!

ОБЛАСТНАЯ ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА им. А. С. ПУШКИНА

Вл. БАХТИН

НЕ ЛЮБО — НЕ СЛУШАЙ

„В НЕКОТОРОМ царстве, в некотором государстве...»

Эти слова — как позывные перед футбольным матчем: только услышишь — сразу знаешь, что дальше будет. Дальше будет — сказка.

Когда придуман этот зачин, никто не знает. Во всяком случае, не одну сотню лет назад. Корни сказки уходят в такую седую древность, что даже и представить себе трудно. Устные рассказы, похожие на наши сказки, передавались от поколения к поколению ещё за тысячи лет до создания письменности.

Задолго до изобретения самолёта сказители создали образ коврасамолёта. Сейчас, кажется, все сказочные чудесные фантазии сбылись. Разве нельзя магнитофон или радиолу уподобить гуслям-самоиграм? А разве телевизор — не тот волшебный кристалл, глядя в который можно было увидеть то, что делается в другом месте?!

Сказки бывают разные. Есть — волшебные, или фантастические. Тут действуют необычные герои — Баба-яга, Кащей Бессмертный, чудесные предметы — дубинка-самобойка, скатерть-самобранка. Есть сказки о животных, похожие на наши басни. Есть сказки новеллистические, или бытовые. Тут речь идёт о жизни людей дореволюционной России — о барине и попе, о бедном мужике, ловком солдате.

Сказка народная, распространявшаяся устно, издавна привлекала к себе внимание писателей. Сказки записывали, обрабатывали, использовали в своих произведениях Пушкин («Сказка о попе и о работнике его Балде», «Сказка о царе Салтане», «Сказка о мёртвой царевне и семи богатырях» и др.), Лермонтов («Ашик-Кериб»), Гоголь («Майская ночь», «Сорочинская ярмарка», «Заколдованное место»), Некрасов (в поэме «Кому на Руси жить хорошо»). А помните сказку Ершова «Конёк-Горбунок»? А сказки Салтыкова-Щедрина? А сказку-пьесу Маршака «Двенадцать месяцев»?..

А КАК ЖЕ записывают сказки?

Я был ещё студентом, когда в первый раз выехал в фольклорную экспедицию — в Псковскую область. Мы прослышали, что в Пыталовском районе живёт удивительный сказочник Илья Давыдович Богатырёв. Туда и отправились.

Илья Давыдович действительно оказался замечательным мастером. Было ему в то время около восьмидесяти лет, но каждую сказку он не просто рассказывал, а разыгрывал в лицах. То изображал жадного и злого барина, то ловкого солдата, то бедного, но весёлого мужика.

Со своим другом Дмитрием Молдавским я жил у Богатырёва больше двух недель. И все дни, с утра до вечера, мы были вместе с хозяином. Он в огород — и мы туда же. Работаем, а сами всё слушаем его: так и сыплет старик прибаутками, присказками, поговорками. А мы — на бумажку. Каждую свободную минуту использовали для записи сказок. Приспособились так (магнитофоны тогда большая редкость были): Дима пишет страницу, я в это время на своём листе доканчиваю слова, расставляю знаки препинания, потом я торопливо записываю рассказ Ильи Давыдовыча, а Дима, пока не забыл, подправляет свой лист.

Собралось у нас уже чуть ли не сто сказок. Были мы счастливы и горды, что нашли такого замечательного сказителя! Просто ничего уже вокруг себя не замечали.

А когда начали мы собираться домой, подошёл к нам сын Ильи Давыдовича, Сергей Ильич. Сергею Ильичу было уже больше сорока лет и работал он гончаром. Рядом с избой стоял сарайчик. В этом сарайчике и работал мастер на своем гончарном кругу. Так вот Сергей Ильич подошёл к нам и сказал, даже с некоторой обидой:

— А что же вы ко мне не зайдёте? Может, я получше батьки сказки знаю!..

Ну, мы, конечно, поняли, что допустили большую промашку. Рядом с таким великолепным сказочником, как Илья Богатырёв, обязательно должны быть и ученики, продолжатели старой народной традиции. Тут же, захватив бумагу и карандаши, побежали в сараюшку. Сергей Ильич на минуту остановился, задумался, а потом сказал:

— Давайте пишите...

И начал говорить. И снова завертелся его круг. Сергей Ильич оказался очень интересным сказителем. Мы записали от него много прекрасных сказок — в основном про попов и церковников (эти сказки знал и Илья Давыдович, но, как очень старый человек, он не то чтобы верил в бога, но всё-таки, на всякий случай что ли, этой темы в своих сказках касался меньше). Вот тогда-то мы и записали у младшего Богатырёва сказку «Не любо — не слушай, а врать не мешай».

ЖИЛИ-были три брата. Один безногий удался — наперегон с зайцами гонялся. Второй косолапый, больно прыток удался. А третий одно и знал, что ворон считал.

Вот собрались три брата в лес дрова резать. Пока безногий за зайцами гонялся, косолапый ноги распрямлял, третий всех ворон пересчитал, глядь — и вечер настал. Надо ужин варить. А огня-то нет!

Вот срубили три брата большую сосну. Сложили костёр. Полез смотреть один из братьев — нет ли где огоньку. И увидели впрямь огонёк. Ну вот и пошёл безногий. Видит: около огонька сидит старичок. Он и просит:

— Дедушка, дай огоньку!

Тот говорит:

— А ты меня, старика, потешь чем-нибудь. Хоть песню спой!

Тот говорит:

— Не умею!

— Ну так спляши!

— Тоже не учился.

— Сказку скажи!

— Тоже не знаю.

— Ну и убирайся с чем пришёл!

Так и второй брат пошёл, и тоже ни с чем вернулся. Такие же ответы были.

Тогда подошёл третий:

— Здорово, дед!

— Здорово, свет!

— Дедушка, дай огоньку!

— А ты старика меня потешь, — говорит. — Песню спой!

— Не умею.

— Ну так, — говорит, — спляши!

— Тоже не горазд.

— Ну так сказку скажи!

— Ну, — говорит, — это моё дело. Только — уговор. Не любо — не слушай, а врать не мешай. А если перебьёшь — сто рублей с тебя.

Согласился старик этот.

И стал брат говорить сказку.

— Когда начался свет, мне было семь лет. Батька мой не родился, дед не был женат. Вот тогда-то жили мы богато. От наготы да босоты ломились шесты. Было медной посуды — крест да пуговица. А рогатой скотины — таракан да жужелица. А в упряжь — две кошки лысы да один кот-иноход.

Изба была большая: на земле порог, и тут же потолок. Хоть сидеть нельзя, да зато посмотреть хорошо. А земли было — и глазом не окинешь! Пол да лавки сами засевали, а печь да полати внаймы сдавали. Вот засеяли мы на полу ячмень, а на лавку семян не хватило.

Ну, и вырос наш ячменёк высок да густ. Да завязалась в нём крыса. Как пошла наша кошка лыса ловить крысу — заблудилась. И теперь там бродит. Ну, а ячмень мы сжали, а сложить-то и некуда. А я хоть меньшой, да разумом большой. Склал скирду на печном столбе.

А бабушка моя куды была резва — на печь три года лезла. Лезла, лезла, скирду нашу в лохань уронила, сама надвое переломилась.

Дед завыл. Я заголосил. Бабушку мы лычком сшили, так она ещё десять лет так ходила...

Да была у нас ещё кобыла сила. Поехал я в лес дрова рубить. Еду трусцой — трюх-трюх, а топор у меня за поясом сзади тюх-тюх. И отрубил лошади весь зад! Так на передке я три года катался. Вот

еду раз лесом, глядь — на опушке задок моей лошади пасётся. Вот я его поймал, обротал, берёзовым прутиком и сшил.

Ну и стала берёзка вверх расти. Росла, росла и выросла под самые облака. Надумал я по ней влезть — узнать, как там люди живут. Влез на облака, походил, посмотрел — нет ничего. Надумал я назад спускаться, глядь, а кобылку-то

мою дедушка увел поить. И не по чему спускаться. И стал я на облаках проживать, голодом голодовать. Завелися с той худобы у меня блохи немалые. Стал я блох ловить, да шкуры с них сдирать, да верёвку вить.

Свил верёвку длинную! Привязал одним концом к облакам и стал спускаться. На ту беду мне верёвки не хватило. Ну, я сверху срежу — на низ наставлю. И всё-таки верёвки не хватает! Я сижу — не тужу, по сторонам гляжу. Смотрю — мужик овёс веет, а полова вверх летит.

Вот я стал полову ловить да верёвку вить. Вил, вил... и мёртвую крысу завил. А она ни с того, ни с другого ожила, верёвку перегрызла. Ну и полетел я в болото, по самый рот ушёл.

Хотел воды напиться — шеи не нагнуть. Прибежала лисица, на моей голове гнездо свила, семерых лисенят принесла. Шел мимо волк, лисеняток уволок. Да я ему тут за хвост вцепился. Вцепился да и крикнул:

— Утю-лю-лю!

Волк меня и вытащил из болота. Вышел я из болота голодный-преголодный. Смотрю — в дупле жареные перепелята сидят. Хотел руку просунуть — не лезет! Влез сам, наелся, растолстел, оттуда никак не вылезти! Сбегал домой за топором, прорубил дупло пошире — выкарабкался!..

Узнал я, что за синим морем скот нипочем. За муху с мушонком дают корову с телёнком, за больших оводов — больших быков. Вот я наловил мух да мушат три куля. Наменял быков да коров три табуна. Пригнал к синему морю и давай горевать: как стадо домой гнать?

Вплавь пускать? Половина перетонет. Корабли нанять? Дорого возьмут. Вот я схватил одну корову за хвост да на ту сторону и швырнул. Раза два на лету перевернулась да на ту сторону носом и уткнулась. Так перешвырял я все три табуна. Остался один бык — бурый, большущий. Вот окрутил я хвост вокруг руки, собрался с силой, развернулся — да как пустил! На ту сторону вместе с быком перелетел.

Ну вот, так ненароком попал я в самую преисподнюю, где черти живут. И три года всё у них навоз возил... И всё на твоём дедушке.

А старик говорит:

— Не может быть, чтоб на моём дедушке!

— Может не может, а плати сто рублей. Не любо — не слушай, а врать не мешай!

Получил он сто рублей, получил огонёк. Пришёл к братьям. Сварили они ужин. Поужинали. Спать легли. И теперь ещё спят...

ИНТЕРЕСНАЯ сказка? Некоторые ребята говорили мне: «Она на книгу «Приключения барона Мюнхгаузена» похожа». Правильно! Потому что и сами «Приключения» основаны на немецких юмористических сказках такого же типа. Сказки эти называются перевёртышами, небылицами. В разных небылицах могут повторяться одни и те же эпизоды, только сочетаются они по-разному. Наша сказка отличается живой рифмованной формой и полнотой. Герои таких сказок (это обычно бедняки) всегда веселы, бодры, находчивы. Они и оказываются победителями.

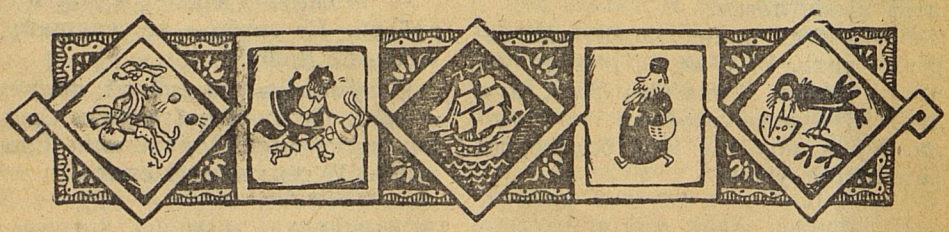
И вот что ещё замечательно. Сказка эта проходит через целый ряд литературных произведений. Её знал и использовал в одном своём стихотворении известный поэт первой половины прошлого века, друг Лермонтова, И. Мятлев. Одна из рецензий великого русского критика В. Белинского называется «Новое не любо — не слушай, лгать не мешай, или Любопытные отрывки из жизни Мины Миныча Евстратенкова». Строки из этой сказки я обнаружил потом в стихотворении Некрасова «Молодые», в стихотворении советского поэта А. Прокофьева. А однажды, читая статью В. И. Ленина «Революционный авантюризм», направленную против эсеров, я нашёл там ссылку на эту сказку. Говоря о лжи, о подтасовке фактов, которые допускали эсеры, Ленин вспомнил знакомые, наверное, ещё с детских лет слова и написал: «Не любо — не слушай, а...» И всем всё было понятно, что шло дальше, что хотел сказать вождь большевиков о своих нечестных политических противниках.

ЭТОТ номер журнала посвящён сказке. Вы найдёте здесь сказки разных народов — и увидите, что в них много общего. Сказка всегда сочувствует бедному, осуждает богатого, смеётся над ним, показывает победу добра над злом. Вместе с тем каждый народ вложил в сказку свою душу, свой характер. А характер народа зависит от его образа жизни, от его истории.

Найдёте вы тут и сказку литературную, созданную писателями на основе народной сказки. Есть тут сказки стихотворные, прозаические, большие, маленькие, смешные и героические... Итак, вы вступаете в страну сказки. Слушайте же внимательно...

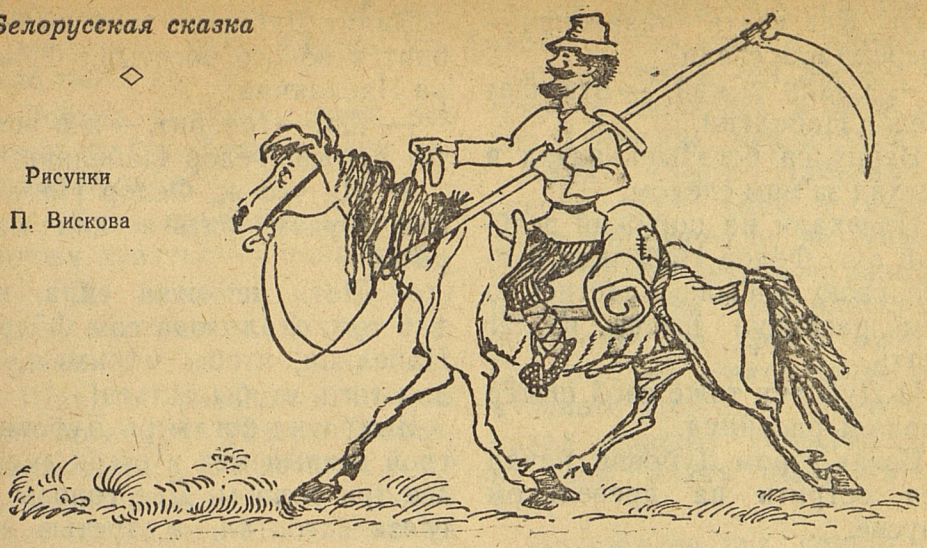
«В некотором царстве, в некотором государстве...»

Рисунки А. Курушина



Белорусская сказка

Рисунки
П. Вискова



Фёдор Набелкин и богатыри

ЖИЛ-БЫЛ в одном селе бобыль Фёдор Набелкин. Слабоват он был силою, зато голову на плечах имел разумную.

Захотелось ему стать богатырём. «Чем я не богатырь? — думает Фёдор Набелкин. — Почему только сильные могут быть богатырями?»

Смастерил он себе полотняный шатёр, седло, взял косу вместо меча, сел на свою худую кобылку и поехал в путь-дорогу.

Ехал, ехал, доехал до большого города. Видит — на столбе какая-то бумага прибита. Он недолго думая вытащил из кармана карандашик и написал свою бумагу, что-де в таком-то году, в таком-то месяце, такого-то дня проехал через этот город могучий богатырь Фёдор Набелкин. Сзади его не догонять, спереди не встречать, а издали шапку снять да поклониться.

Прибил бумагу на столб и дальше поехал.

А в это время по той же дороге ехал настоящий богатырь — Дубовик. Прочитал он эту бумагу — дивуется: что за новый богатырь в ихнем царстве объявился? Как бы на него хоть поглядеть? Сзади догонять не дозволено, спереди встречать заказано... Придётся хоть издали ему поклониться!

Дубовик три версты кругу дал, вперёд заехал, шапку снял, кричит:

— Здорово, могучий богатырь Фёдор Набелкин! Хочу твоим младшим товарищем

быть. Как ехать прикажешь — спереди или сзади?

— Сзади езжай, — отвечает Фёдор Набелкин.

Вернулся богатырь назад и поехал за ним следом.

Приехали на широкий зелёный луг. Фёдор Набелкин пустил свою кобылку пастись, а сам раскинул шатёр и лёг спать.

И Дубовик тоже свой шатёр поодаль раскинул.

Встал утром Дубовик, начал меч острить на превеликом бруске.

А Фёдор Набелкин, увидевши это, давай свою косу острить — на камне. Меч острится тихо — шах-шах, а коса — дзинь-дзинь.

Дубовик завидует. «Ну, — думает, — и меч же у этого богатыря! Звенит! Не то что мой!»

Простояли они на этом лугу два дня, на третий Дубовик говорит Фёдору Набелкину:

— Живёт тут поблизости трёхголовый змей. Вызывает он кого-нибудь из богатырей на бой. Как, сам пойдёшь или меня пошлёшь?

— Тьфу! — плюнул Фёдор Набелкин. — Стану я об этакую пакость руки марать! Езжай ты!

Ну богатырь снарядился, поехал.

Приезжает Дубовик к тому змею.

— Кто ты? — спрашивает змей. — Не сам ли Фёдор Набелкин? Слышал я про тебя. Говорят, даже бумага висит, что новый могучий богатырь в нашем царстве объявился.

Видит Дубовик: змей шибко боится нового богатыря Фёдора Набелкина.

— Да, — говорит, — я и есть тот самый Фёдор Набелкин.

— Ну что ж, Фёдор Набелкин, будем биться или мириться?

— Нет, нечистая сила, не для того ехал сюда сам Фёдор Набелкин, чтобы мириться, а для того, чтобы биться!

Выхватил богатырь Дубовик свой острый меч и отсек змею все три головы. Две головы в грязь затоптал, а третью на меч насадил и везёт напоказ своему старшему товарищу — Фёдору Набелкину.

Приехал, спрашивает у него:

— Куда прикажешь змееву голову девать?

— Кинь в кусты, — махнул рукой Фёдор Набелкин.

В это время проезжал мимо этого города богатырь Горовик. Увидел бумагу — дивуется: эге, вот с кем надо было бы повстречаться! Поехал он вслед за богатырями и приехал на широкий зелёный луг. Поклонился издали Фёдору Набелкину и говорит:

— А не примешь ли меня, могучий богатырь Фёдор Набелкин, в товарищи?

— Ну что ж, ставь свой шатёр!

Поставил свой шатёр и Горовик.

На другое утро Горовик говорит Набелкину:

— Объявился в нашем краю поганый змей о шести головах. Ты сам поедешь биться с ним иль меня пошлёшь?

— Тьфу! — плюнул Фёдор

Набелкин. — Стану я об этакую пакость руки марать! Езжай ты!

Поехал Горовик, отсек все шесть голов змею, а одну напоказ привёз.

— Куда прикажешь змееву голову девать? — спрашивает.

— Да кинь в кусты эту дрянь, — отвечает Фёдор Набелкин.

Широко разошлась слава про богатыря Фёдора Набелкина. Дошёл о нём слух и до девятиголового змея. Вызывает он Фёдора Набелкина на бой. Фёдор Набелкин и на этот раз хотел кого-нибудь из младших товарищей послать, да те отказываются.

— Мы уж, — говорят, — ездили, теперь твой черёд. Да и змей по твоей силе попался: нам с ним не справиться.

Ну, ничего не поделаешь, надо ехать. Не к лицу могучему богатырю свою честь марать!

Снарядился Набелкин, сел на дохлую кобылёнку и поехал.

А змей ждал-ждал Фёдора Набелкина, не дождался — сам к нему вышел. Встретились они на полдороге. Как увидел Фёдор Набелкин перед собой страшилище девятиголовое, испугался — да бежать назад без оглядки. Змей за ним.

От страху сбился Фёдор Набелкин с ровной дороги, попал на глухую. А эта дорога вела к непролазному болоту. Вот он летел, летел по этой дороге да и угодил вместе с кобылкой в самую трясину. Змей, не разглядев дороги, бух следом и завяз — одни головы торчат.

Фёдор Набелкин лёгкий, он сразу и выскочил, а змей сидит в трясине, как коряга.

Видит Фёдор Набелкин — крепко сидит змей в болоте, даже ворохнуться не может. Схватил он змеев меч, размахнулся и давай страшилищу головы одну за другой рубить. Отрубил все девять голов, меч в болоте утопил, а сам пошёл назад пешком: кобылку свою из топи никак вытянуть не мог.

Пришёл на луг, кричит богатырям:

— Эй, молодцы! Идите-ка скорей к тому непролазному болоту да приведите моего богатырского коня. Я там с девятиглавым змеем боролся, все девять голов ему снял.

Пошли богатыри на это болото, глядят — и правда, валяются в болоте все девять голов змея!

— Ну, — говорят, — и силач! Это ж диво: втоптал ногами змея в трясину и все головы ему отсёк! И чем же? Глядеть не на что: не меч, а коса какая-то, да и только!

Взял Горовик кобылку под мышки и принёс хозяину.

Ещё дальше разнеслась слава про могучего богатыря Фёдора Набелкина. Услыхал про него сам царь Храпун. Захотелось ему иметь при себе такого славного богатыря, который девятиголового змея одолел. Послал ему приглашение. Явился Фёдор Набелкин во дворец. Царь справил ему дорогую одёжу, дал самый луч-

ший во дворце покой, слуг и повара к нему приставил.

Живёт Фёдор Набелкин припеваючи.

Миновал год, другой. На третий год выступил против царя Храпуна злобный и грозный соседний царь Хапун.

Собрал он такое войско, что глазом не окинешь, счётом не сочтёшь. Стал он с войском у стен столицы царя Храпуна и послал ему бумагу: «Вызываю тебя на бой!»

Испугался царь Храпун, спрашивает у Фёдора Набелкина:

— Что делать? Одолеет меня царь Хапун.

— Не одолеет, — говорит Фёдор Набелкин. — Не тужи, не убивайся. Иди спать, я сам буду воевать.

Царь зевнул сладко и пошёл спать. А Фёдор Набелкин приказал, чтобы все работники — столяры, портные и плотники — пришли в столицу каждый со своим струментом.

И явились мастера со всего царства: столяры — с молотками да с пилами, плотники — с топорами-секирами, портные — с иглами да с шилами.

Вышел Фёдор Набелкин к мастерам и говорит:

— За три дня наделайте мне семь полков дровяного войска!

— Ладно, — отвечают мастера, — наделаем!

И взялись за работу.

Как войско было готово, Фёдор Набелкин приказал:

— Выставить всё дровяное войско ночью за городом!

Так и сделали. А настоящее войско Фёдор Набелкин спрятал в кусты. Проснулся утром царь Хапун, видит — стоят против него семь полков войска царя Храпуна. Значит, пора войну начинать. Даёт он команду:

— Открыть огонь!

Целый день стреляли солдаты царя Хапуна по солдатам царя Храпуна. Весь порох спалили, все патроны извели, а никого не убили.

Удивляется царь Хапун: уж не заколдованное ли войско выставил царь Храпун?

Тем временем Фёдор Набелкин дал команду пустить в работу настоящее войско.

Выбежали его солдаты из кустов и давай палить по войску царя Хапуна. Стреляли, стреляли, всё войско перебили, а самого Хапуна в плен захватили и к царю Храпуну привели.

Разбудил его Фёдор Набелкин и говорит:

— Что прикажешь, царь-батюшка, с пленным делать?

Протёр царь глаза, видит — стоит перед ним связанный Хапун.

Обрадовался царь, расхрабрился.

— В пушку, — говорит, — его зарядите и выстрелите в ту сторону, откуда пришёл.

Так и сделали.

Поехал царь на поле, глядит — всё вражье войско вповалку лежит, а его солдаты живые-здоровые ходят.

— Да как же это тебе удалось? — спрашивает царь у Фёдора Набелкина. — У Хапуна

же силы в три раза больше было.

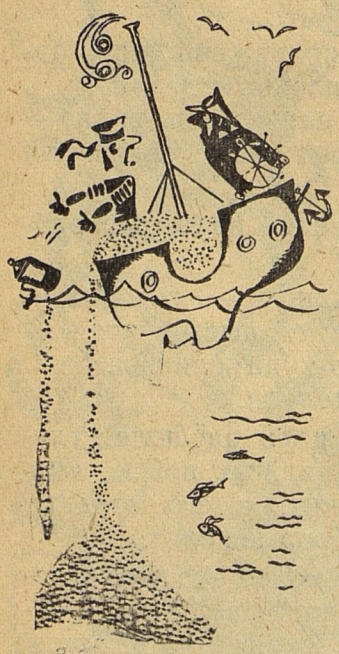
— Я, — говорит Фёдор Набелкин, — воюю не силой, а разумом.

Поставил тогда царь Храпун Фёдора Набелкина самым главным начальником над своим войском, а сам пошёл спать.

Спал он теперь спокойно, потому что никто из соседних царей и не помышлял идти на него войною.

★ *Французская сказка* ★

Почему море солёное



Жил некогда человек, которому по наследству досталась маленькая волшебная мельница. Пришёл к нему раз приятель, моряк, и начал рассказывать о всяких чудесах, какие довелось повидать ему в заморских странах. Слушал-слушал хозяин волшебной мельницы и тоже говорит:

— Я хоть в далёких краях не был, но есть и у меня диковинка — волшебная мельница. Стоит ей приказать: «Намели, мельница, муки!» — или что другое потребовать, она тут же берётся молоть и мелет, мелет, пока ты ей не скажешь...

— Дай поглядеть твою мельницу, — перебил моряк, даже не дослушав приятеля до конца.

Хозяин показал гостю мельницу.

«Неплохо бы иметь такую штуку», — подумал моряк и стал просить:

— Отдай её мне! Я сколько хочешь тебе за неё заплачу.

Хозяин согласился.

Сунул обрадованный моряк покупку под мышку и поспешил к себе на корабль, который уходил в плавание.

Плавание оказалось более продолжительным, чем предполагалось. Припасы на корабле убывали. Не стало и соли. Тут моряк вспомнил о своей чудесной мельнице.

— Тащите ящик для соли, — приказал он матросам.

Те притащили ящик. Подставил к нему моряк мельницу и произнёс:

— Мельница, намели соли!

И маленькая мельница тут же принялась молоть мелкую белую соль!

Соль скоро покрыла всю палубу, заполнила все трюмы, а моряк не знает, как остановить мельницу: ведь он до конца не дослушал приятеля!

А мельница знай себе мелет и мелет.

Капитан бранится, кричит, что судно может затонуть от перегрузки, да что делать?

Тут моряк в отчаянии хватает мельницу и бросает её за борт.

С того времени мельница и лежит на дне моря и продолжает молоть соль.

Вот почему вода в море солёная.

Перевела с французского
П. ДЛУГОЛЕНСКАЯ

Рис. Ю. Шабанова

Сколько царь наделил земли моему деду

БЫЛО это дело давно, ещё когда крестьян от панщины освободили и дали кое-кому земельные наделы. Такой вот надел за хорошую службу у пана достался и моему деду.

Однажды весной занял дед у соседа лошадей и поехал пахать собственное поле. Целый день искал дед это поле, а оно словно сквозь землю провалилось. Обошёл он все поля вдоль и поперёк, перемерил шагами все наделы от межи до межи, всё присматривался, где его надел, но так и не нашёл.

Разгневался дед, что задаром проваландался весь день с чужими лошадьми, да и поля не вспахал, сел на телегу, кликнул собаку Рябка, который, протянувшись, лежал рядом, и хотел было уже ехать.

Рябко вскочил, потянулся, и как глянул дед на то место, где лежала

собака, так и всплеснул руками и давай причитать:

— А чтоб тебя, провались ты!.. Надо было раньше кликнуть Рябка, и день бы тогда не пропал! А то вот разлёгся проклятый пёс и всё поле прикрыл, а ты ходи и морочь себе голову да ищи его.

После такой оказии дед мой никогда уже больше не брал с собой в поле Рябка.

Стеклянные глаза

ПРИНЁС раз мужик в волость подать. Писарь принял, глянул в книгу и говорит:

— Тут за тобой ещё недоимки десять рублей.

— Да я уже давно всё заплатил, — отвечает мужик.

— Нет, не заплатил. Должен ещё.

— Нет, не должен.

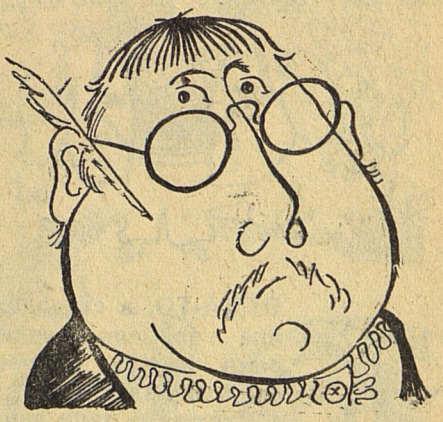
— Нет, должен!

— Нет, не должен!

Писарь видит, что не обмануть ему на сей раз мужика, и, чтоб как-нибудь выкрутиться, обращается к помощнику:

— А подай-ка мне очки!

Надел очки, посмотрел:



— Ну, правильно, не должен.

Тогда ему мужик:

— Вот дай боже здоровья стеклянным глазам, а ваши чтоб повылазили!

Разговор

ИДЁТ как-то раз Иван из села в город. Только он вышел за околицу, встречает пана.

Тот спрашивает:

— А кто у вас там, Иван, наивысший?

— У нас?—говорит Иван.—А вон на том краю села тополь, он самый наивысший.

— Э, да я не о том, — говорит пан, — а село это чьё?

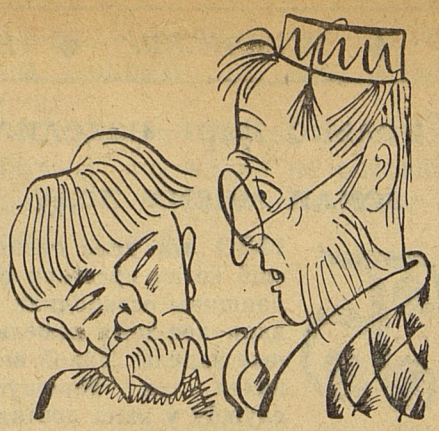
— Богово да общественное.

— А кого ж у вас больше всего слушают?

— Есть у нас один слепец. Как начнёт он нам петь, аж сердце заплачет, а слепец тот—Семён-музыкант. Его у нас больше всего слушают.

— А кто у вас наистарший?

— Есть у нас одна баба, зовут её Марта, ей уже сто одиннадцать лет, она у нас наистаршая.



— Да я не о том спрашиваю! — говорит пан. — А есть у вас там кто поумней тебя?

— Есть у нас умнейшие, как так нет! Да вот пошли они за теми, кто поумней, а меня, самого глупого, выслали навстречу дураку, ещё большему.

На том и разошлись.

КОГДА-ТО, в стародавние времена, ездил один мужик на панских лошадях с фурами всюду,— пану деньги зарабатывал. Немало всяких чудес этот человек повидал.

Вот приехал он раз домой, а пан отобрал у него заработанные денежки да решил ещё над ним посмеяться.

Почём дурни

— Где ты, Иван, бывал? — говорит.

— Да уж где я, пан, не бывал... Всюду бывал. И в Киеве, и в Одессе, и в Полтаве...

— А что ж ты там видел, Иван?

— Да всё видал, пан. Немало разных чудес.

А пан тогда:

— А почём же там, Иван, дурни продаются? — А сам смеётся, думает мужика высмеять.

А Иван ему спокойно:

— Да это, пан, как какие дураки. Дурня-мужика, известно, за бесценок спускают, а вот за такого дурня-пана, как вы, тысячи запрашивают.

Так пан и остолбенел от злости.

Рисунки Г. Ясинского

Как Алдар-Косе выручил бедную вдову

КАЗАХСКАЯ СКАЗКА

У БЕДНОЙ вдовы захворал сын. Горит мальчишка, мечется, просит в бреду:

— Мама-душа, дай глоточек кумыса!

Плачет мать: сроду в их землянке кумыса не бывало. Взяла она выщербленную чашку, пошла к баю.

— Смилуйся, бай, вели налить хоть полчашки кумыса умирающему ребёнку. Муж мой замёрз в степи, спасая в буран твоё стадо, жизни для тебя не пожалел, не пожалей же ты ради доброго дела сока степных трав!.. *

Бай только посмеялся над ней:

— Кумыса хочешь? А палки не хочешь? До чего дожили: нищие не стыдятся беспокоить достойных людей! Убирайся прочь, бессовестная попрошайка! — И он вытолкал женщину за дверь.

Обливаясь слезами, поплелась она домой. На полпути слышит за собой топот. Обернулась в страхе: едет Алдар-Косе на пегом коньке.

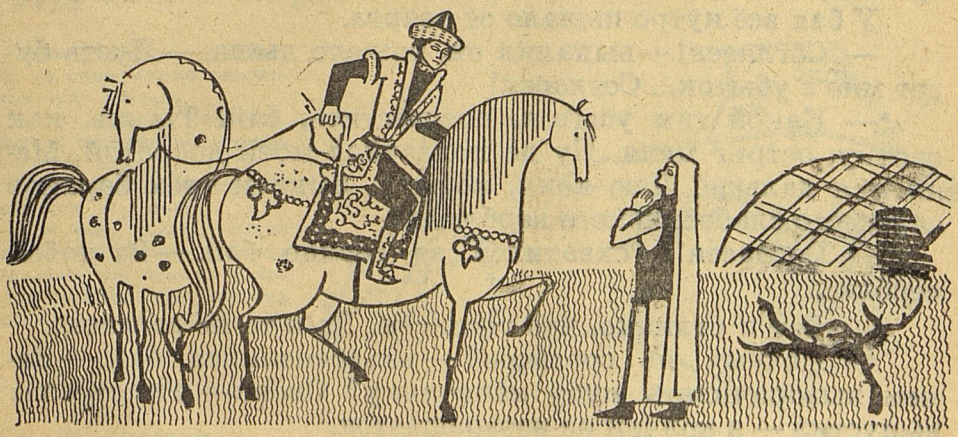
— Кто тебя обидел, женгей **? Чего плачешь? — спрашивает.

Вдова рассказала ему о своём горе.

— Не тужи, помогу тебе, — говорит Алдар. — Я так считаю: была бы голова, а шапка найдётся.

---

* Соком степных трав казахи иносказательно называют кумыс и молоко.
** Женгей — обращение к пожилой женщине.



И, не прибавив больше ни слова, Алдар затрусил к юртам бая.

Бай в это время вышел подышать свежим воздухом да заодно полюбоваться своими стадами.

Алдар подъехал к нему, поздоровался по обычаю и спросил вкрадчиво, не знает ли почтенный бай, кому в этом краю нужен конь?

— Ты что же — продаёшь коня? — полюбопытствовал бай.

— Не продаю, бай, — меняю.

Бай заволновался: не было для него большего удовольствия, как меняться да при мене дурачить простаков. Родного отца променял бы, чтобы выгадать хоть ягнячью шкурку.

— Что же хочешь в обмен на свою клячу? — кинул он небрежно и стал ощупывать лошадку Алдара.

— Мало прошу. Пять баранов дашь?

— Сколько? Сколько? — не поверил ушам бай.

— Пять баранов. Много пять, отдам и за трёх.

«Коня — за трёх баранов! Экая прибыль лезет за пазуху!»

— Согласен! — заторопился бай. — Слезай долой, выбирай баранов!

Но Алдакену куда спешить? Торопливый не сделает дела.

— Вот и хорошо, что согласен,— говорит он, слезая. — Пусть наша сделка будет к добру! А не продолжить ли нам мену, бай? Даю коня и трёх баранов за бычка. Какое твоё слово?

Бай вытер рукавом пот со лба и махнул рукой:

— Согласен!

— Вот и славно, что согласен. Ты доволен и я доволен. Так, может, продолжим мену? Даю коня, бычка и трёх баранов за дойную кобылу!

У бая всё нутро пылало от азарта.

— Согласен! —выпалил он, тяжело дыша. — Пусть будет мне в убыток... Согласен!

— Какой там убыток, посовестись, бай! Ты же, как овечку, остриг меня. Ну да пользуйся моей добротой. Меняемся дальше! Даю коня, кобылу, быка и трёх баранов за самого слабосильного верблюда!

— Согласен! — схватился за сердце бай. — За тобой верблюд.

— Вот и отлично, что согласен. Да я-то не согласен.

— Почему не согласен? — взъерепенился бай. — Зачем выворачивать шубу наизнанку? Слово — что стрела: выпустил — в колчан не возвращается.

— Потому не согласен, — говорит Алдар, — что не хочу брать лишнего. Такой уж у меня нрав! Хватит с меня и кобылы. Возвращаю тебе твоего верблюда, а ты верни мне мою лошадёнку. Идёт?

«Опять повезло, — прикинул замороченный бай, — какой бы ни был верблюд, цена ему не та, что лошади».

— Идёт, идёт! Забирай своего коня! — И на радостях бай стал подсаживать Алдакена в седло. А тот накинул на шею кобылице аркан, да и был таков.

— Эй, джигит, — крикнул ему вдогонку бай, — если будет чем меняться, приезжай опять!

— Обязательно приеду! — отвечал на скаку Алдар. — Жди!

По дороге Алдар-Косе заехал к вдове.

— Бай поскупился плеснуть тебе черпак кумыса, так я привёл тебе от него дойную кобылу. Теперь у тебя будет свой кумыс.

Обрадовалась вдова, подоила она кобылу, напоила сына кумысом. И вскоре мальчишка поправился. Всю жизнь вспоминала бедная женщина Алдара-Косе.

Бай тоже помнил его. Поостыв после сделки, спохватился он, что отдал кобылу совсем даром, да было уже поздно: брошенное в костёр не ищи в кармане.

Записал Е. МАЛЮГА

Рис. В. Адаева

★ □ ★

★ *Канадская сказка* ★

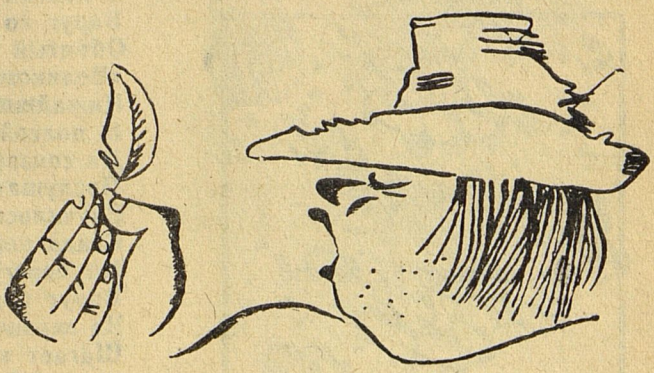
Дурень и пёрышко

Одному дурню сказали, что из пера можно сделать отличную постель.

Нашёл дурень пёрышко, поднял, положил на камень и улёгся спать.

Лежит и ворочается. Ворочается и ворчит:

— И чего люди только не скажут! Если на одном пёрышке так твёрдо спать, представляю, как жёстко, когда таких перьев много!



Перевела с английского
П. ДЛУГОЛЕНСКАЯ

Рис. Ю. Шабанова

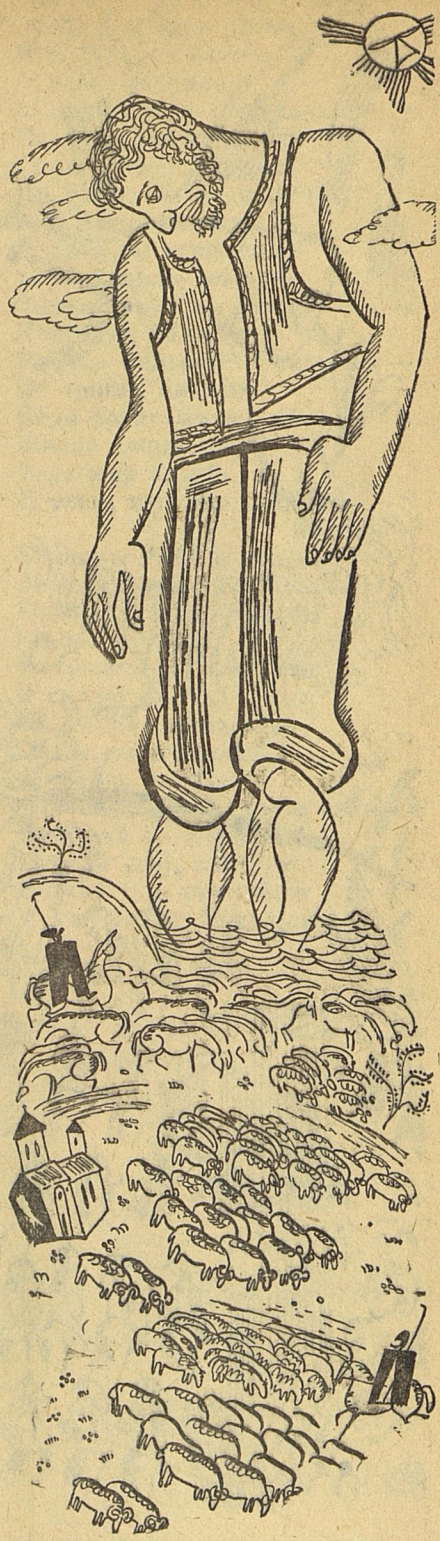
Ованес ТУМАНЯН

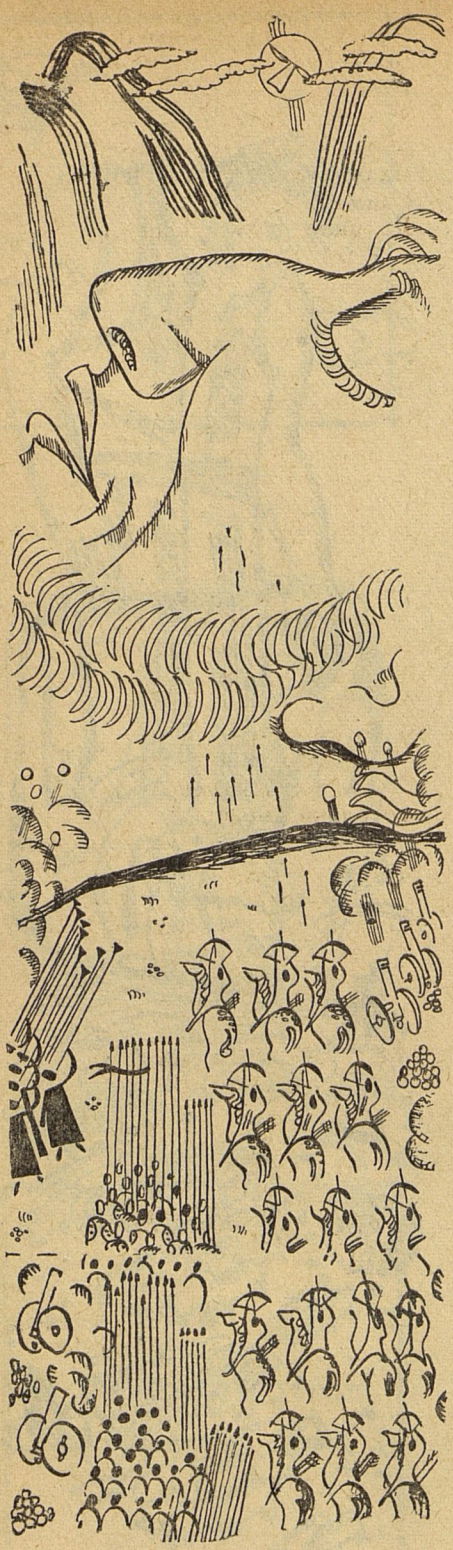
Великан

Из кавказских легенд

В какой стране — не помню,
В каких годах — забыл,
Ишхан, владыка грозный,
На белом свете жил.
Могучий и суровый,
Гроза соседних стран;
И до того великим
Был доблестный ишхан,
Что своему величью
Дивился сам порой,
А всех людей на свете
Считал он мошкарой!
Чего б ни пожелал он,
Что б ни задумал он —
Его любое слово —
Для всей страны закон!
Кто смел ему перечить?
Попробуйте — и вы
Немедленно лишитесь
Последней головы!
Имел ишхан могучий
Огромные стада,
И, словно звезды в небе,
Не счесть их никогда,
Имел ишхан великий
Такие табуны,
Что ржанье их могли бы
Услышать и с луны!
Имел ишхан охрану
Для стад и табунов,
Грознее армий были
Отряды пастухов!
Где б ни паслись его стада,
От гор и до морей
Все пастбища ишхан велел
Считать землёй своей!
Кто смел ему перечить?
Попробуйте — и вы
Немедленно лишитесь
Последней головы!
Вот как-то раз
В покоях сидит владыка наш,
Вдруг во дворец вбегает
Объятый страхом страж:
«Великому ишхану
Нижайший мой поклон,
И долгой-долгой жизни!
Да соизволит он
Послушать, что за чудо
Случилось нынче днём:
Стада коров пасли мы
На берегу морском,
Вдруг видим — из-за моря,
Из неизвестных стран,
Шагает к нам огромный,
Ужасный великан!
Поверь, ишхан-владыка,

Был великан такой,
Что перед ним казались
Мы жалкой мошкарой!
Как расскажу о нём я?
Бессильны все слова!
И море по колени,
И в тучах голова!
И стал он перед нами,
И загремел, как гром:
— Эй, кто посмел
Козявок пасти в краю моём?
А ну-ка вы, людишки!
Немедленно — долой,
Пока я в волны моря
Вас не смахнул рукой!—
И встал я и ответил:
— Ты, великан, могуч,
Но зря орёшь так громко
Из этих грозных туч,
Откуда б ни пришёл ты,
Но знай, о, великан,
Что этих стад владелец —
Великий наш ишхан! —
Кто б смел ему перечить?
Попробуйте — и вы
Немедленно лишитесь
Последней головы!
Но слов моих не слушал
Невежа-великан,
Нагнулся он из тучи,
С волос потёк туман,
Пошарил он рукою,
И поднялась волна,
И рыбину большую
Достал с морского дна!
А после поднял руку
И спину разогнул,
И рыбу, чтоб зажарить,
Он к солнцу протянул».
Умолк слуга ишхана,
Издав последний стон,
Свалился бездыханно
Перед владыкой он.
Тогда ишхан великий
От гнева покраснел.
«Кто, — закричал он грозно, —
Скажите, кто посмел
Прийти в мои владенья,
Чтоб среди бела дня
Мою изжарить рыбу
И лаять на меня?!!
Ведь все меня боятся,
И нет меня сильней!
Не я ли всех на свете
Сильнее силачей?!!»
Разгневавшись, велит он
Позвать полки солдат!





Все горные долины
От топота дрожат!
Идут войска ишхана,
Грохочет барабан:
«Да здравствует
всесильный
бессмертный
наш ишхан!»
«Вы молодцы,— сказал им
Великий властелин, —
Вы, львы мои,
Вставайте!
Вставайте, как один!
Пойдите, поглядите —
Кто среди бела дня,
Моей не зная силы,
Там лает на меня?»
И трубы затрубили,
И двинулись полки,
И шум, и гам, и крики,
И ржанье, и свистки,
Войска шагают к морю,
К пределу чуждых стран,
Пришли и увидали:
Улёгся великан!
Вот голова, как будто
Лесистая гора,
А ноги? Ног не видно:
Дойдёшь ли до утра?
Вдоль берега разлёгся,
Спит богатырским сном,
И заняли отряды
Позиции кругом.
Кто стоя, кто с колена,
Кто прячась за скалой
Стреляет в великана,
Напрягши лук тугой.
А он не шевелится,
Лежит и мирно спит,
В него палят из пушек,
А он себе храпит!
Он храпом заглушает
И шум, и рёв трубы,
Не слышно ни команды,
Ни пушечной пальбы,
И как землетрясеньем
Колышутся бока...
Тогда пошли на приступ
Отважные войска!
И, вовсе расхрабрившись,
Стреляя и крича,
Один отряд добрался
До самого плеча!
Карабкаются смело:
Кто за ухо залез,
Кто на нос,
Кто на брови,

Кто в бороду, как в лес...
А всадники по брюху
Летят во весь опор,
И копья их сверкают,
Как солнце среди гор!
Стреляют, рубят, колют,
Сердясь, плюясь, крича,
И хором великана
Ругают сгоряча!
Вдруг людям показалось,
Что горный кряж взлетел:
На локте приподнявшись,
Гигант ужасный сел.
Не спрашивай, что было, —
Картины нет страшней:
Посыпались и люди,
И тысячи коней,
Кто с головы свалился,
Кто съехал по усам...
А что случилось с ними,
Подумай лучше сам!
А великан ужасный сказал:
«Ах, боже мой!
В чём дело?
Почему я
Усыпан мошкарой?
Зачем они напали?
Такая мелюзга!»
И тут он оглянулся
И разглядел врага, —
Тот, кто в живых остался,
Поспешно удирал:
Кто, шпоря лошадь, мчался,
А кто — пешком бежал,
И протянул ручищу
За войском великан,
Ладонью сгреб бегущих
И запихнул в карман!
Поднялся и вразвалку
Направился домой,
Колени омывая
Солёною водой.
А дома мать-старуха
Ждала его с утра,
Была она спокойна,
Разумна и добра.
Пришёл и рассказал ей
Суровый великан
Про всё, что с ним случилось,
Потом полез в карман.
Достал солдат помятых
И всадников извлёк.
А мать сказала:
«Горе с тобою мне, сынок:
На что тебе людишки?
Скажи, чему ты рад?
Да разве ты не видишь,
Как все они дрожат?
И если ты огромен, —
Ему сказала мать, —
Зачем таких малюток
Напрасно обижать?
Раз ты большой и сильный —
Не трогай никого:
Ведь хочет жить любое
Живое существо!
Ведь мир един!
И всем, кто под солнцем
родились,
Знакомы боль и радость,
Знакомы смерть и жизнь!
Пойми, что недостойно
Героев и царей
Могуществом кичиться
И силою своей.
На силача найдётся
Силач ещё сильней,
И только смерть
Сильней всех на свете силачей!
Пусти-ка их, сыночек!
Пускай себе идут,
Пускай где пожелают
И как хотят живут!..»

Перевёл с армянского В. БЕТАКИ

Рисунки Ю. Шабанова

МА ТАН-ПИ И ТОРГОВЕЦ ЯЙЦАМИ

ЗАШЁЛ однажды Ма Тан-Пи на постоялый двор. Очень уж он промёрз на улице и мечтал о горячей печке: прислониться бы к ней, погреться да и вздремнуть.

Но у печки сидел толстый торговец, а возле него стояла большая корзина. Ма Тан-Пи подошёл к нему и попросил немного подвинуться, а корзину убрать.

— Я заплатил деньги за место, и корзина останется там, где она стоит! — грубо ответил торговец.

Ман Тан-Пи не стал спорить. Он походил ещё немного по залу и опять подошёл к торговцу.

— А что за товар у тебя, почтенный? — спросил он.

— Я несу яйца на городской базар, — важно ответил толстяк.

— Вот и прекрасно! — воскликнул Ма Тан-Пи, — мне как раз нужно купить яйца! Не продашь ли свой товар?

— А не всё ли равно кому продавать, — откликнулся торговец и поднялся с места.

— Сколько же их у тебя в корзине?

— Не знаю, но мы можем посчитать.

— Прекрасно! — согласился Ма Тан-Пи. — Садись за

этот стол, я буду выкладывать яйца из корзины, а ты будешь держать их. Так мы все быстро пересчитаем.

Торговец послушно уселся за стол, растопырил руки, а Ма Тан-Пи стал вынимать из корзины яйца и класть их перед торговцем...

— Раз... два... три...

Сначала яиц была маленькая кучка. Потом — горка. Потом — целая гора! Торговец еле удерживал их руками.

Яиц оказалось девяносто девять.

— Жаль, — сказал Ма Тан-Пи, — мне нужно было ровно сто. Эти яйца я не возьму. Спокойной ночи!

Торговец хотел было вскочить, но так и остался за столом с растопыренными руками. Едва он пытался пошевелиться, — яйца выкатывались из его объятий, падали на пол и разбивались.

А Ма Тан-Пи лёг на освободившееся у печки место и прекрасно проспал всю ночь.

Перевёл Евг. МЮССАР

Рис. А. Курушина

◆ ◆ ◆

Североамериканская сказка

Говорящая лошадь

Ранним утром шёл человек из дома. Проходя мимо повозки с молоком, вздумалось ему погладить впряжённую в повозку старую тощую лошадь.

— Привет, — окликнула его лошадь. — Надеюсь, сэр, вы ничего не имеете против, что я так бесцеремонно заговорила с вами?

— Нет, конечно же, — опешив, пробормотал человек.

— Дело в том, — сказала лошадь, — что мне чертовски скучно. Возница и двух слов не скажет... М-да. Глядя на мои кожу и кости, трудно поверить, сэр, что некогда я была знаменитой беговой лошадью и взяла приз на Кентуккских скачках. С тех пор прошло, правда, одиннадцать лет, но я всё помню прекрасно. Мне на шею надели венок из роз, я была гордостью всего штата... Увы! Теперь единственное утешение для меня — воспоминания...

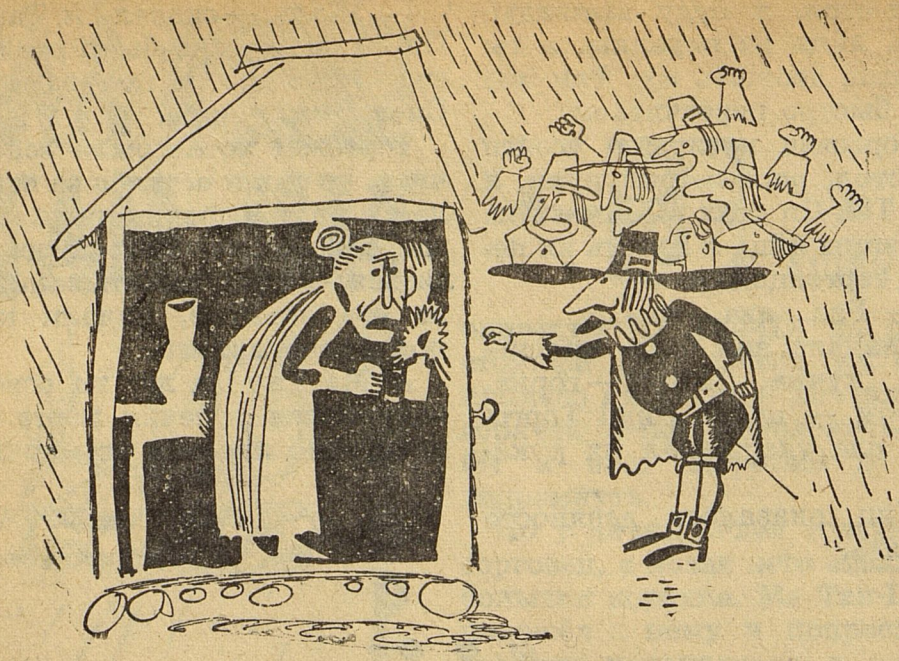
Прохожий был так ошеломлён всем услышанным, что немедленно, как только явился возница, предложил ему за лошадь сто долларов.

— Ещё ни разу в жизни не встречал я такой умной лошади! Я просто не верил своим ушам!

— Бывает, — зевнул хозяин лошади и, засунув полученные деньги в карман, заметил равнодушно: — Она, верно, врала вам про Кентуккские скачки? Я так и думал. Она эту чушь всем рассказывает...

Перевод с английского П. ДЛУГОЛЕНСКОЙ

Рис. Ю. Шабанова



КТО СТУЧИТ?

★ *Испанская сказка* ★

БЫЛО так: на краю леса, у самой дороги, стояла убогая хижина, сложенная из дикого камня. В этой маленькой хижине жила одинокая женщина. Она была очень стара и очень бедна. И для того, чтобы прокормиться, собирала хворост, вязала его в вязанки и продавала людям, которые жили далеко от леса.

Не было у неё ни детей, ни внуков — не было никого, кто мог бы защитить старушку. А лес велик — мало ли что может случиться, мало ли кто придёт среди тёмной ночи! Поэтому уже с вечера, пораньше, запирала она крепко-накрепко и дверь и окошки.

Однажды ночью разразилась гроза. Старый домишко дрожал от раскатов грома. Проливной дождь барабанил по ветхой кровле. А старушка грелась у очага, прислушиваясь к шуму непогоды.

Вдруг слышит — кто-то стучится в дверь! Женщина вздрогнула: «Кому быть в такую пору?» Тем временем

опять постучали, да так громко, что у старушки затряслись от страха колени. Она подбежала к двери и спросила:

— Кто стучит?

Из-за двери раздался громкий мужской голос:

— Отоприте! Я устал, продрог и промок до рубашки!

— Но кто вы такой?

— Хосе! — назвал своё имя путник.

Но женщина была глуховата и за шумом непогоды не могла расслышать, что ответили из-за двери. Старушка переспросила:

— Как вас зовут?

Тогда путник, решив, что хотят услышать его полное имя, крикнул как можно громче:

— Хосе Мария Андрес Флорес Фернандес де ла Фронтера!

Конечно, и вы, друзья, удивились бы, услышав такое длинное имя! Но в Испании нередко дают человеку не одно, а три имени, причём даже у мужчины второе имя может быть женским. А знатные господа к трём именам прибавляют ещё две фамилии: фамилию матери и фамилию отца. Путник же был знатным дворянином и к этим двум фамилиям прибавил ещё название своего родового замка. Правда, так называют себя только горожане, старушка же, живя постоянно в лесу, уже давно таких длинных имён не слыхала.

Итак, путник крикнул:

— Хосе! Мария! Андрес! Флорес! Фернандес! де ла Фронтера!

Услышав сразу столько имён, старушка насмерть перепугалась. А тут ещё грянул гром, и ей показалось, что целый полк ломится в двери её убогой хижины.

Она закричала в ответ:

— Э, нет! Моя хижина слишком мала, чтобы впустить столько народу! У меня только два стула. Посажу Хосе и Марию, а куда же сядет Андрес? Посажу Андреса и Хосе — будет в обиде де ля Фронтера. А Фернандес и Флорес, — наверное, драчуны и забияки! — затеят в хижине потасовку! Куда я денусь, старуха? А ну, ступайте своей дорогой!

И сколько ни стучал путник, не открыла двери.

Пришлось знатному дворянину всю ночь плестись под дождём по грязной дороге.

Перевела Т. ШИШЛОВА

Рис. Ю. Шабанова

Глупый раджа

ЖИЛ один мудрец, и был у него ученик. Ходили они вдвоём по свету, от города к городу, от деревни к деревне.

Пришли как-то раз в один город. Смотрят — сидит торговец сластями.

— Почём твой товар, купец? — спрашивают.

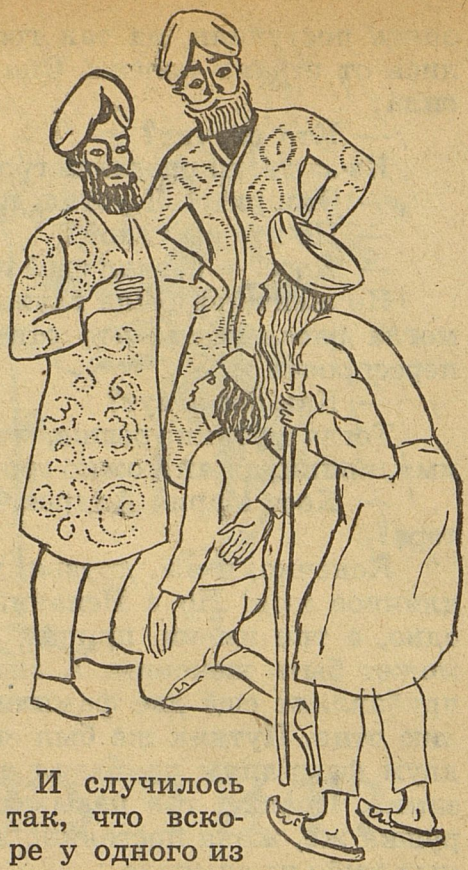
— Сколько хочешь на грош, — отвечает торговец.

Услышал это мудрец и сказал:

— Не стоит оставаться тут. Видно, здешний раджа не в своём уме, если в его городе такие порядки.

Зато у ученика глаза разгорелись на дешевизну. «Вот уж наемся я здесь всяких сластей», — подумал он и заявил, что остаётся в этом городе.

А мудрец ушёл.



И случилось так, что вскоре у одного из горожан обвалилась крыша. Да упала ещё на чужую козу. Упала и задавила, засыпала кусками черепицы.

Очень огорчился хозяин козы из-за такого убытка и пошёл искать справедливости у своего раджи.

Велел раджа позвать владельца дома и потребовал с него ответа.

— Не моя это вина, повелитель, — сказал горожанин. — То вина кровельщика. Это он делал крышу.

Позвали кровельщика. Но тот сказал, что не его это вина, а водоноса. Это водонос, когда делал черепицу, налил слишком много воды в известь.

Послал раджа своих слуг за водоносом. Но и тот не взял вины на себя.

— Я недавно здесь водоносом, государь. Это, верно, виноват старый водонос, что был до меня. А он уже умер.

Рассвирепел раджа: с кого теперь требовать ответа? Не раздумывая долго, крикнул стражникам:

— Ступайте к воротам дворца и первого, кто пойдёт мимо, хватайте и ведите сюда.

А в это время мимо дворца раджи как раз шёл ученик старого мудреца. Стражники и схватили его.

— Сейчас тебя повесят, — сказал раджа. — Но ты ещё можешь высказать своё последнее желание.

Испугался ученик, вспомнил слова старого мудреца, что не стоит оставаться там, где место правителя занимает глупец. И тогда, подумав, сказал:

— Хочу перед смертью увидеть своего старого учителя.

Последнюю волю нельзя не исполнить. Послал раджа во все концы своих слуг — искать мудреца. Нашли его слуги, привели к радже.

Увидел ученик своего учителя — обрадовался, рассказал ему о своей беде.

Тот покачал головой.

— Зря не послушал ты меня. Где сластей сколько хочешь на грош, там недолго и пропасть ни за грош. Но я всё-таки постараюсь тебя выручить. — И говорит радже:

— Махарадж, отпусти этого юношу. Сделай милость, повесь меня вместо него.

Удивился раджа:

— Почему это ты сам навстречу смерти идёшь?

Объясняет ему мудрец:

— Раз в году бывает такой день, что, если кто в этот день повешен будет, тот прямо на небо попадёт. И сегодня как раз такой день.

— Ишь хитрец, — говорит раджа. — Без трудов на небо попасть захотел. Раз такое дело, так я и сам вместо него на виселицу пойду, — и приказал слугам повесить себя.

Так и пропал глупый раджа, а мудрец с учеником дальше по земле пошли.

Пересказала с языка маратхи
Н. КРАСНОДЕМБСКАЯ

Рис. В. Адаева

ОБ ОБМАНЩИКЕ

В ГОРОДЕ Кархане, что в Ирландии, жил один очень бедный человек. У него была большая семья, и, конечно же, он вертелся, как угорь, чтобы прокормить всех своих детей и жену, но где найти бедняку столько денег, столько еды? А у него было двое поросят. Один чёрный, другой белый. Это были удивительно симпатичные поросята, но ведь их тоже надо кормить, а так как кормить их было нечем, то повёз их бедняк на базар в соседний город.

Стоит он на базаре, покупателя ждёт. Тут как раз и подходит к нему один человек и спрашивает:

— Сколько стоит белый поросёнок и чёрный?

Бедняк подумал, что у него хотят купить какого-нибудь одного поросёнка, и ответил:

— Двенадцать шиллингов.

— Я беру их, — сказал покупатель и стал связывать двух поросят, чтобы отнести домой. Связал он поросят и подаёт бедняку двенадцать шиллингов.

— Вы мало даёте, — сказал бедняк, — мне нужно двадцать четыре шиллинга.

— Нет уж! Вы же сами мне ответили, что они стоят двенадцать шиллингов, когда я вас спросил: «Сколько стоит белый поросёнок и чёрный?»

Что оставалось бедняку делать! Обманули его. Взял он двенадцать шиллингов и пошёл в свой город Кархан.

Пришёл домой, отдал жене деньги, а сам жалуется, как его обманули. Узнала жена, в чём дело, побежала соседям рассказывать. А в том городе, в Кархане, жил один умный и хитрый человек, звали его Даниел О'Коннел. Этот Даниел О'Коннел, когда узнал о том, как обманули бедняка, очень рассердился и решил помочь бедняку получить деньги сполна. О'Коннел пришёл к нему и сказал:

— Послушай меня, друг мой. Я буду не я, если мы эти деньги не вернём. Но для того, чтобы наказать обманщика, надо, чтобы ты отрезал мочку своего правого уха.

Бедняк знал, какой умный Даниел О'Коннел, и беспрекословно послушался и отрезал мочку своего правого

уха. О'Коннел взял мочку, положил её в конверт и отнёс к себе домой, сказав на прощание:

— Завтра с утра мы двинемся с тобой на базар. Будь готов и смотри не проспи.

На следующий день О'Коннел и бедняк пошли в соседний город на ярмарку. Они пришли на ярмарку и стали искать вчерашнего обманщика, но никак не могли найти, и только к вечеру, когда проходили по главной улице, они увидели табачный магазин. Они зашли туда, и о чудо! За прилавком стоял мерзкий обманщик. Крестьянин сразу же шепнул О'Коннелу. О'Коннел подошёл к продавцу и сказал:

— Вы, я вижу, продаёте неплохой табак, любезный.

— Да как видите, — скромно ответил обманщик.

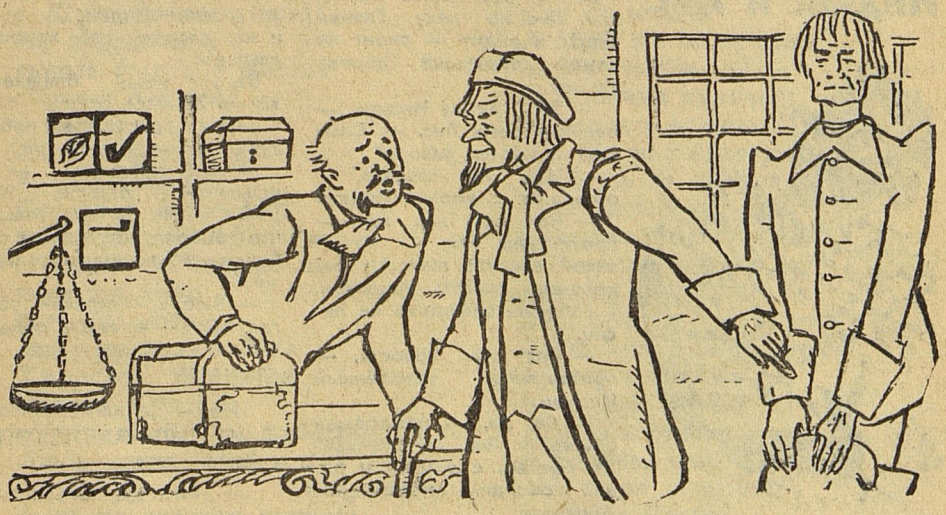
— Подойди-ка сюда,— обратился О'Коннел к бедняку, который молча стоял в дверях магазина. — Сколько ты унесёшь табаку? — Тут О'Коннел повернулся к продавцу-обманщику и объяснил: — Это мой слуга!

Бедняк нерешительно развёл руками, не зная, что ответить.

— О, понятно, — воскликнул О'Коннел, — значит ты можешь отнести столько, сколько будет, если положить табак от твоего большого пальца на правой ноге до мочки правого уха. Послушайте, продавец! Сколько это будет стоить?

— Десять шиллингов, — радостно ответил табачник и потёр даже руки от удовольствия. Так ему хотелось продать столько табаку.

— По рукам, хозяин! — О'Коннел ударил табачника по плечу и засмеялся. — А теперь иди смерь расстояние



между большим пальцем правой ноги моего слуги и мочкой его правого уха.

Табачник взял метр и начал измерять, но когда дошёл до уха, то увидел, что мочки-то нет. Табачник раскрыл рот и хотел было что-то сказать, но О'Коннел опередил его.

— Ты не пугайся, парень! — сказал О'Коннел. — Мочка правого уха моего слуги преспокойно лежит в городе Кархане, так что давай за десять шиллингов столько табаку, сколько вместится его отсюда и до Кархана.

Обманщик понял, что его обхитрили. Он понял, что во всей Ирландии не найдется столько табаку, сколько вмещается его между лавкой и городом Карханом. От злости он заревел.

Но бедняк сказал:

— Не плачь, табачник. Верни мои двенадцать шиллингов за второго поросёнка, и мы будем квиты.

Обманщик с радостью отдал деньги и даже добавил. И очень раскаялся в том, что хотел обмануть бедного человека.

Так Даниел О'Коннел и бедняк из городка Кархана наказали обманщика.

Перевод И. ФАХРУТДИНОВА

★ *Североамериканская сказка* ★

Индюк и Лис

Как-то раз бежал голодный Лис по лесу. Глянул вверх и видит — сидит на самой верхушке дерева Индюк.

— Эй, братец Индюк, — окликнул его Лис. — Слышал о новом законе?

— Нет, не слышал, — отозвался с дерева Индюк.

— Как же, как же, — продолжал Лис, — новый закон вышел: лисицам запрещено трогать Индюков, а собакам охотиться на лисиц.

— Вот это новость, — притворился удивлённый Индюк.

— Да, да, — продолжал убеждать Лис. — Спускайся, братец, с дерева и давай обсудим новые порядки.

— И не думаю, — дерзко ответил Индюк. — Мне и на дереве всё хорошо слышно!

Вдруг из-за ближнего холма донёсся собачий лай.

— Ну, братец, я побегу, — встрепенулся Лис.

— Как побежишь? — с усмешкой спросил Индюк. — Не ты ли только что говорил, что между собаками и лисицами теперь мир?

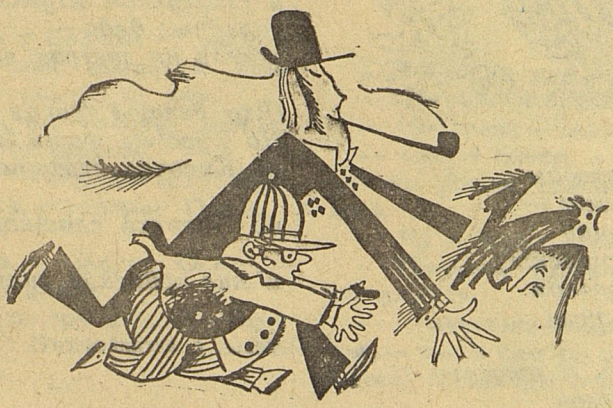
— Я-то я, — отвечал убегая Лис, — а вдруг собаки о новом законе ещё не слышали?

Перевод с английского
П. ДЛУГОЛЕНСКОЙ

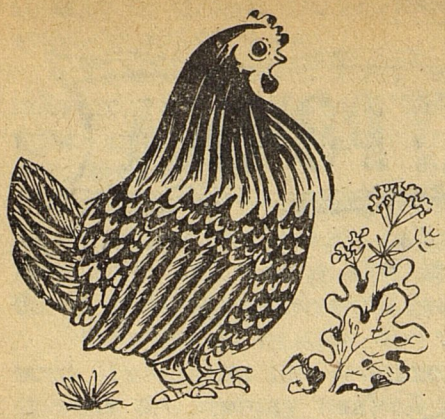
Рис. Ю. Шабанова

А. А. МИЛН

ЧЁРНАЯ КУРОЧКА



Бумстер и Бамстер,
Трэди и Тради,
и старенький Шумстер —
солидные дяди —
мчались за Чёрною Курочкой
вслед.
Странно! Чего это ради?
Мчались они
по лужайке соседней
(Бумстер был первый,
а Шумстер последний).
Но проскочила
сквозь дырку в плетне
Чёрная Курочка
в садик ко мне.
«Как поживаешь? —
вопрос задала.
Сказал я «спасибо»,
спросил: «Как дела?»,
спросил: «Объясни мне,
чего это ради
бегут за тобой
эти взрослые дяди?»
Хмурится, хмурится
Чёрная Курица:
«Что у людей за привычка!
Люди хотят, чтоб у них
непременно
было на завтрак яичко!»
Но будь тут сам Герцог и даже
Король —
яичко я им не снесу!
Я так занята! занята! занята!
я спешки такой не снесу!»
— А я не Король!
Не барон! Не маркиз!
На дерево лазаю!
Шлепаюсь вниз!
Считать я умею
уже до шести!
А МНЕ ты не хочешь
яичко снести? —
И Курочка квохчет:
«Отлично, отлично!
Но что мне в награду
ты дашь за яичко?»
— «Спасибо» я дам
и «пожалуйста» дам!
В зверинце Слона
покажу тебе сам!
Ещё покажу
на коленке ожог —
я ногу сегодня
крапивой обжёг!
И жду я ответа,
и квохчет она:
«Не надо „спасибо",
не надо Слона!



Но если покажешь
крапивный ожог —
ты завтра яичко
получишь, дружок!»
И чёрным крылом
на горящую ногу
подула она,
наклонившись к ожогу:
«От этих ожогов
не хнычут почти
те, кто умеет
считать до шести!»

Проснулся я утром —
ну и дела!
Яичко лежит
посредине стола!
А будь я
каким-нибудь там Королём,
чудес не случалось бы
в доме моём!
...Бумстер и Бамстер,
Трэди и Тради,
и старенький Шумстер —
солидные дяди —
хотели на завтрак яичко
добыть.
(Что делать? Такая привычка!)
Но Курочка очень была занята,
но Курочка страшно была
занята,
но Курочка слишком была
занята —
и мне подарила яичко!

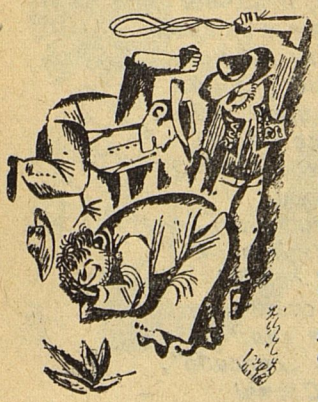
Перевод с английского Н. СЛЕПАКОВОЙ

Рисунки Г. Ясинского

● ● ●

★ *Канадская сказка* ★

Неисправимый лентяй



Жил когда-то в одном селении человек, которому было лень не только работать, а и ложку ко рту поднести. Трудолюбивым соседям стало досадно на него глядеть. Сговорились они однажды и решили лодыря проучить: поколотить слегка его, может, на пользу пойдёт.

Только принялись они за дело — встречается им фермер.

— Что вы собираетесь делать с этим человеком? — спрашивает он.

Объяснили ему, в чём дело.

— Что вы! Не делайте этого! — вступился фермер за лентяя. — Я лучше поделюсь с ним зерном, это поддержит его некоторое время, а потом, глядишь, он и за ум возьмётся...

Тут лентяй поднял голову и озабоченно спросил:

— А зерно-то у тебя обмолоченное?

— Нет, — отвечает фермер.

— Тогда, соседи, бейте меня дальше!

Перевод с английского П. ДЛУГОЛЕНСКОЙ

Рис. Ю. Шабанова

Ю. СТЕПАНОВ

Рисунки П. ВИСКОВА

Как ослик обиделся

Шёл Ослик с Козлом по дороге.

И вдруг Ослик обиделся. Обиделся просто так, ни на что.

Встал, опустил голову, хлопает ушами и вертит хвостом.

— Ты что? — спрашивает Козёл.

— Обиделся, — говорит Ослик.

— На кого?

— Не знаю, — говорит Ослик, — просто так обиделся.

— Что же теперь делать? — спрашивает Козёл.

— Не знаю.

Стал Козёл думать и придумал.

— Знаешь что... — сказал Козёл.

— Не знаю, — сказал Ослик.

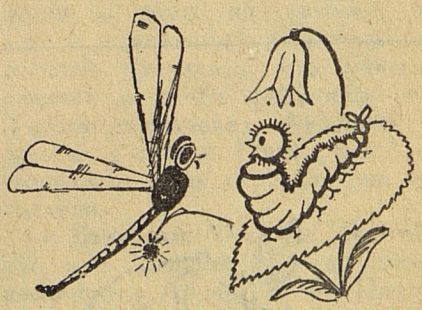
— Скоро вечер, а нам идти ещё далеко. Давай сейчас пойдём домой.

— Ну и что? — спросил Ослик.

— Придёшь домой и дома дообидишься.

— Правильно, — обрадовался Ослик, — как я сам до этого не додумался? Побежали скорей!

Стреконожка



Жила под камнем Стреконожка. Она очень любила мечтать.

А мечтала она о том, как она завтра будет греться на солнышке.

В этом нет ничего удивительного. Каждый знает, что в выходной день обязательно пойдёт дождь, а у Стреконожки были все дни выходные. И не так-то часто приходилось ей греться на солнышке. Но даже такая жизнь скоро кончилась.

Однажды прилетела к ней Стрекоза и рассмеялась:

— Ну разве Стреконожки бывают?

Стреконожка обиделась и прогнала Стрекозу.

Некоторое время она жила спокойно, но однажды приползла к ней Сороконожка и тоже стала смеяться.

Стреконожка прогнала Сороконожку, но успокоиться уже не могла.

«А вдруг и правда Стреконожек не бывает?» — думала она.

Стреконожка так переживала, что перестала есть, высохла и умерла.

Это была последняя на свете Стреконожка, и теперь никто не знает, как она выглядела.

Петух

Петух рылся в куче мусора.

Рылся с утра до вечера, пока куриная слепота не загоняла его в курятник.

— Что ты, Петя, ищешь? — спрашивали его.

— Пшеничные зёрна, — отвечал Петух.

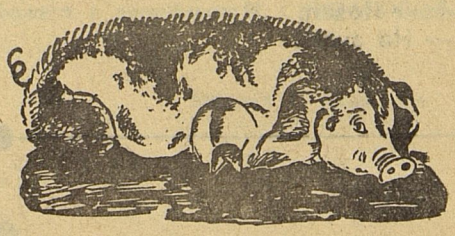
— Но они же рядом на земле рассыпаны!

— На земле и дурак найдёт, а вы попробуйте найти их там, где их нет, — отвечал Петух.

Свиная мудрость

— Отчего ты, Свинья, в небо никогда не смотришь, всё землю глазами метёшь?

— Зачем на него смотреть? Там жёлудя не найдёшь, да и солнце глаза слепит.



Могло быть хуже

На Хомячка свалилось дерево.

Большая старая осина.

Такого с Хомячком ещё не случалось, и он растерялся: пугаться ему или радоваться, ведь его даже сучком не задело?

Решив, что надо радоваться, он подпрыгнул и набил на лбу здоровенную шишку.

Полюбовавшись в луже на своё отражение, он сказал:

— Могло быть хуже, — и пошёл своей дорогой.

В СЕРЕДИНЕ 40-х годов прошлого века знаменитый писатель и неутомимый путешественник Ганс Христиан Андерсен, совершая очередную поездку по Европе, заехал в Берлин. Был он в это время в зените славы. Его сказки для детей, переведённые на многие языки, издавались большими тиражами.

Находясь в Берлине, Андерсен решил посетить братьев Гримм. Он направился к ним без предварительного уведомления. «Уж если кто и знает меня в Берлине, — подумал Андерсен, — так это именно они!»

Двери открыла служанка.

— Которого из двух братьев хочет видеть господин? — спросила она.

— Того, кто больше написал, — весело ответил Андерсен.

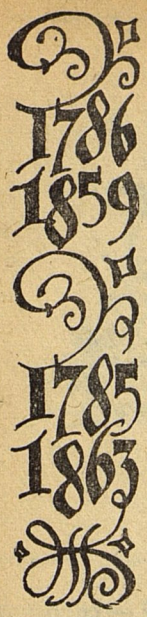
— Особенно учёный у нас — герр Якоб, — доверительно сообщила служанка и повела гостя в покои старшего Гримма.

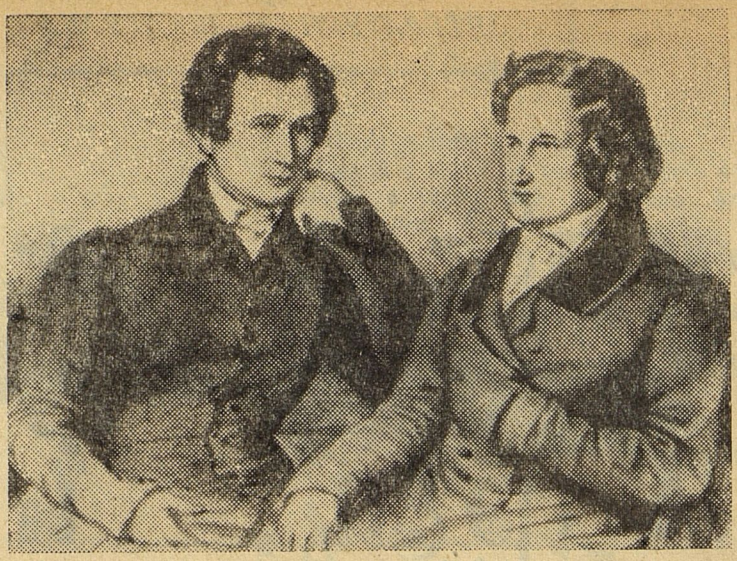
Увы, первая встреча двух знаменитых сказочников не принесла радости ни тому, ни другому. Якоб Гримм, удивлённый и немного растерянный, признался, что ничего не слышал о своём нежданном госте. Тщетно перечислял Андерсен свои романы и сказки. Гримм, всё больше смущаясь, лишь отрицательно качал головой.

— Батюшки, что же вы теперь обо мне подумаете?! — в отчаянии воскликнул Андерсен. — Прихожу, незваный и неведомый, и сам начинаю перечислять по пальцам свои сочинения! Ужас! Нет, всё-таки не может быть, чтобы вы не слышали обо мне! В Дании недавно был выпущен сборник сказок разных народов, который посвящен вам. Есть в нём и мои сказки.

Якоб Гримм, грустно улыбаясь, развёл руками:

— Вполне возможно. Только я не знаю этого сборника. К сожалению, не читал. Но всё равно мне доставляет большую радость познакомить-





ся с вами. Могу ли я провести вас к брату моему — Вильгельму?

— Нет, нет, благодарю...

Уязвлённый, обиженный Андерсен торопливо откланялся.

Его разочарование легко было понять. И хотя в конце того же месяца Якоб Гримм, приехав в Копенгаген, нанесёт ему ответный визит, а при следующих встречах Андерсен и братья Гримм поведут себя как старые добрые знакомые, горечь от первой неудачной встречи всё же надолго останется в сердце датчанина.

А у братьев Гримм были свои на то причины, что они ничего не знали об Андерсене, и причины, как говорится, вполне уважительные: они были поглощены работой, столь огромной по объёму и столь трудоёмкой, что на неё уходило всё их время, все силы и энергия.

Братья Гримм были не только писателями, но и крупнейшими учёными, академиками, профессорами университета, общественными деятелями. Вы, наверно, подивитесь этому? Ведь в представлении многих братья Гримм — это авторы «Госпожи Метелицы», «Рапунцеля», «Спящей красавицы», «Бременских уличных музыкантов», «Мальчика-с-пальчик», «Храброго портняжки» да ещё двухсот других сказок, и только. Но кто так думает — тот ошибается.

Братья Гримм родились в маленьком немецком городке Ханау, недалеко от Франкфурта-на-Майне: Якоб — в 1785, а Вильгельм — в 1786 году. Германия не была ещё тогда единым государством и состояла из множества королевств, герцогств, княжеств. Ханау входил в княжество Гессен. Отец Якоба и Вильгельма был судейским чиновником.

Якоб и Вильгельм, будучи почти ровесниками, росли вместе и очень дружили. Они спали в одной кроватке, были одинаково одеты, оба увлекались коллекционированием бабочек и растений, могли часами следить за повадками животных и насекомых.

Мальчики горячо любили природу. Но, окончив лицей, они поступили на юридический факультет Марбургского университета. Там читал тогда лекции молодой, талантливый профессор Фридрих Карл фон Савиньи, к которому братья Гримм сразу почувствовали большую симпатию. А профессор, в свою очередь, разглядел в братьях-студентах одарённость, вдумчивость, любовь к науке. Он приобщил их к серьёзной

исследовательской работе, заинтересовал историей Германии, фольклорными богатствами немецкого народа — его сказками, преданиями, легендами, песнями.

Тогда же подружились братья Гримм и с Клеменсом Брентано — родственником профессора Савиньи. Брентано собирал немецкие народные песни. Якоб и Вильгельм с энтузиазмом принялись помогать ему. В 1806 году этот сборник, названный составителями «Чудесный рог мальчика», вышел в свет.

Почти сразу после окончания университета братья Гримм взялись, теперь уже совершенно самостоятельно, за собирание немецкого фольклора, и прежде всего — народных сказок.

В 1811 году братья Гримм опубликовали первые научные работы, а ещё спустя год вышла в свет первая книга «Детских и семейных сказок», собранных, записанных и подготовленных к печати братьями Гримм. Через три года вышла вторая.

Якоб и Вильгельм Гримм собирали сказки очень кропотливо и упорно, записывали их с наибольшей точностью, чтобы передать их образность, их сочный язык. Они заставляли всех своих друзей и близких рассказывать известные им сказки, знакомились со стариками и старухами из простонародья — главными хранителями фольклорных сокровищ.

По крайней мере четвёртую часть сказок для первой книги (а всего их было там 86) братья Гримм записали со слов Марии Мюллер («старой Марии»), закупщицы целебных трав и снадобий из аптеки Вильда в городе Касселе.

А при работе над второй книгой такую же важную роль сыграла Доротея Вихман: с её слов записана 21 сказка.

Приходилось иногда добывать сказки... путём обмена. Да, да! Обменивать их на... свою старую поношенную одежду. Драгунский вахмистр Иоганн Краузе именно за такую плату «уступил» братьям Гримм полдюжины сказок, которые держал в своей голове.

Помимо сказок братья Гримм подготовили к печати и такие памятники народного творчества, как «Бедный Хейнрих» и «Песни старой Эдды», «Немецкие саги» и «Рейнеке-Лис», «Песнь о Роланде», перевели на немецкий язык некоторые фольклорные произведения соседних народов (датчан, шотландцев, ирландцев).

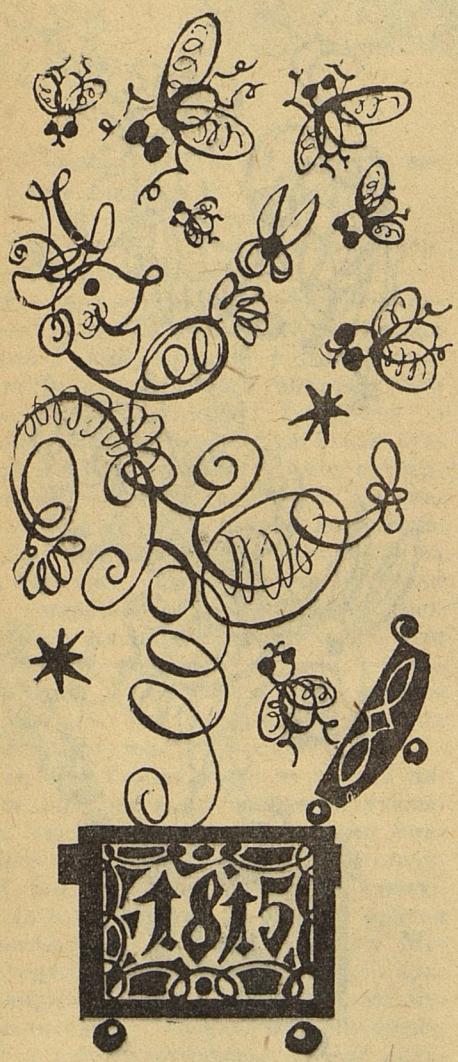
Обычно Якоб и Вильгельм работали сообща, но есть у них и труды, написанные каждым из братьев в отдельности.

Огромное значение для развития немецкого литературного языка имела первая в истории Германии научно-систематизированная «Немецкая грамматика» Якоба Гримма. Не слу-

чайно современники назвали год её выхода в свет — 1819-й — «годом рождения немецкой филологии».

Большую ценность представлял и другой труд Якоба Гримма — «Памятники немецкой старины», объёмом более тысячи страниц. В нём были собраны уникальные материалы, рисующие нравы, верования, привычки, язык, правовые взаимоотношения древних германцев и немцев. До сих пор он является настольной книгой каждого немецкого филолога.

Тогда же крупное научное исследование выпустил и Вильгельм Гримм. Оно называлось так: «Немецкие героические сказания».



В конце 30-х годов XIX века, когда братья Гримм перебрались в Берлин, столицу Прусского королевства, Якоб и Вильгельм принимаются за работу, объём которой был поистине колоссальным и которую они продолжали до самой смерти.

Это было составление многотомного «Немецкого словаря».

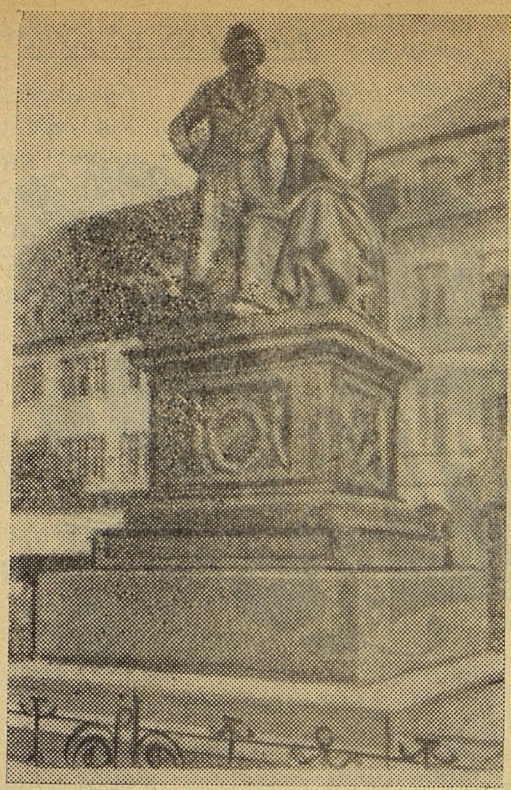
В наше время такой работой обычно занимаются сотни научных сотрудников, располагающих к тому же обширным вспомогательным материалом и ранее вышедшими изданиями. Но тогда было всё иначе.

В те же годы ходил по России замечательный собиратель русских пословиц, песен, сказок Владимир Иванович Даль. Более полувека своей жизни отдал он составлению «Толкового словаря живого великорусского языка». Около двухсот тысяч слов собрал Даль на его страницы, и восемьдесят тысяч из них записано и объяснено им самим. На страницах словаря разбросано около тридцати тысяч пословиц и поговорок, множество строк из произведений русских писателей и поэтов. Ведь каждое слово надо было объяснить, растолковать! Сейчас на полках наших писателей, учёных можно встретить эти огромные четыре тома удивительного словаря. И всё это сделал один Владимир Даль!

Якоб и Вильгельм также начинали на пустом месте. В своём родном немецком языке они были такими же первопроходцами, взявшимися, казалось бы, за непосильный для двух человек труд.

Ведь что такое подготовить материал к толковому словарю? Это значит составить тысячи, десятки тысяч карточек на каждое слово-термин — десятки тысяч этаких своеобразных паспортов. И в каждый из них занести все значения, варианты и возможные применения слова, проиллюстрировав это примерами из литературных источников...

Вот теперь-то вам нетрудно будет понять, почему знаменитые сказочники братья Гримм, целиком погло-



щённые этой гигантской работой, своевременно не заметили появления в литературе нового блестящего имени — датского сказочника Ганса Христиана Андерсена.

«Каждый день я сижу за рабочим столом по меньшей мере двенадцать часов кряду, и ещё хочу напомнить, что тому, кто это делает, скоро исполнится шестьдесят восемь лет», — писал Якоб Гримм одному знакомому.

В воспоминаниях видного деятеля немецкого и международного движения В. Либкнехта о Карле Марксе есть такое место: «Маркс был замечательным знатоком языков, — правда, больше новых, чем древних. Немецкую грамматику Гримма он знал во всех подробностях, а в немецком словаре братьев Гримм разбирался лучше меня, филолога...»

Видите, даже Карл Маркс, этот учёный из учёных, гениальный мыслитель, корифей науки, брал уроки своего родного немецкого языка у них — Якоба и Вильгельма Гриммов, считая их бесспорными авторитетами в этой области.

ЕСТЬ у братьев Гримм совсем маленькая сказочка — всего два абзаца, — которая называется «Золотой ключик». Она завершает сборники гриммовских сказок, числясь там под № 300. В ней рассказывается о том, как один бедный мальчик, отправившись в лес за хворостом, нашёл маленький золотой ключик. «Он подумал, что раз есть ключ, то должен быть к нему и замок, стал он рыть землю и нашёл железный ларец».

Вот и братья Гримм тоже нашли свой золотой ключик, которым они открыли для всех драгоценный ларец народной мудрости и народного творчества. Ларец, полный волшебных сказок, поэтических легенд и преданий.

«Повернул мальчик ключик один раз, а теперь вам надо, ребята, подождать, пока он совсем откроет замок и подымет крышку, а потом мы и узнаем, что за чудесные вещи лежали в этом ларце».

Так заканчивается сказка «Золотой ключик». Так закончу и я свой рассказ о братьях Гримм, но с одной маленькой поправкой: ждать вам, ребята, не надо. Хоть сейчас подымайте крышки ларца, потому что он уже давно открыт. И тогда вы сами убедитесь, что за чудесные вещи лежат в нём.

Вл. САШОНКО

Рисунки Ю. Бочкарёва

Братья ГРИММ

Рисунки Ю. БОЧКАРЁВА

Давно тому назад жила старая королева. Была она колдунья, а дочка была у неё самая красивая девушка во всём свете. Но старуха помышляла только о том, как бы ей заманить людей в беду, и когда приходил жених, она говорила, что кто хочет получить её дочь, тот должен выполнить сначала задачу, или погибнуть. Многие были ослеплены красотой девушки и отваживались на это, но выполнить, что поручала старуха, они не могли, — и тогда уж не было им пощады: приходилось становиться на колени, и рубили им головы с плеч. Услыхал один королевич про великую красоту девушки и говорит своему отцу:

— Дозвольте мне туда отправиться, я хочу за неё посвататься.

— Я никогда этого тебе не позволю, — ответил король, — если ты туда пойдёшь, то уж назад не вернёшься.

И вот слёг королевич в постель. Пролежал целых семь лет, и ни один лекарь не мог его вылечить. Понял отец, что нет больше никакой надежды, и молвил ему с тоской в сердце:

— Отправляйся туда и попытай счастья, я не знаю, чем больше тебе помочь.

Как услыхал это сын, поднялся с постели, сразу выздоровел и весело отправился в путь-дорогу.

И случилось так, что проезжал он на коне через пустошь и заметил издали, что лежит

что-то на поле, будто большая копна сена; подъехал он ближе, видит — а это брюхо какого-то человека, который лежал на земле растянувшись, и было то брюхо похоже на небольшой пригорок. Как увидал толстяк путника, поднялся во весь рост и сказал:

— Если вам нужен человек, возьмите меня к себе в слуги.

Королевич ответил:

— Да что же мне с таким увальнем делать?

— О, — сказал толстяк, — это ещё что! Вот если я раздуюсь как следует, то стану в три тысячи раз толще.

— Раз так, — сказал королевич, — ты мне пригодишься. Ступай вместе со мной.

Пошёл Толстяк вслед за королевичем, а спустя некоторое время нашли они и другого, тот лежал на земле, приложив ухо к траве.

Спросил королевич:

— Что ты тут делаешь?

— Прислушиваюсь, — ответил человек.

— К чему ты так чутко прислушиваешься?

— Прислушиваюсь к тому, что сейчас на свете творится: ведь от моих ушей ничто не скроется, мне даже слыхать, как растёт трава.

Спросил королевич:

— Скажи мне, что же ты слышишь при дворе старой королевы, у которой красавица-дочь?

Ответил тот:

— Слышу, как меч свистит, что голову с плеч жениху рубит.

Сказал королевич:

— Ты мне пригодишься, ступай вместе со мной.

Вот двинулись они дальше и в скором времени увидели, что лежат две ступни и ноги, а конца их не видать. Проехали они немалое расстояние и подъехали наконец к самому туловищу, а потом и к голове.

— Эй, — сказал королевич, — а ты длинён, однако, как большой канат!

— О, — ответил Долговязый, — это ещё что! Если мне как следует вытянуться, то стану я в три тысячи раз длиннее и побольше самой высокой горы на земле. Я охотно готов вам служить, если вы только согласны взять меня к себе в услужение.

— Ступай вместе со мной, — сказал королевич, — ты мне пригодишься.

Отправились они дальше и повстречали на пути ещё одного: тот сидел на дороге с завязанными глазами.

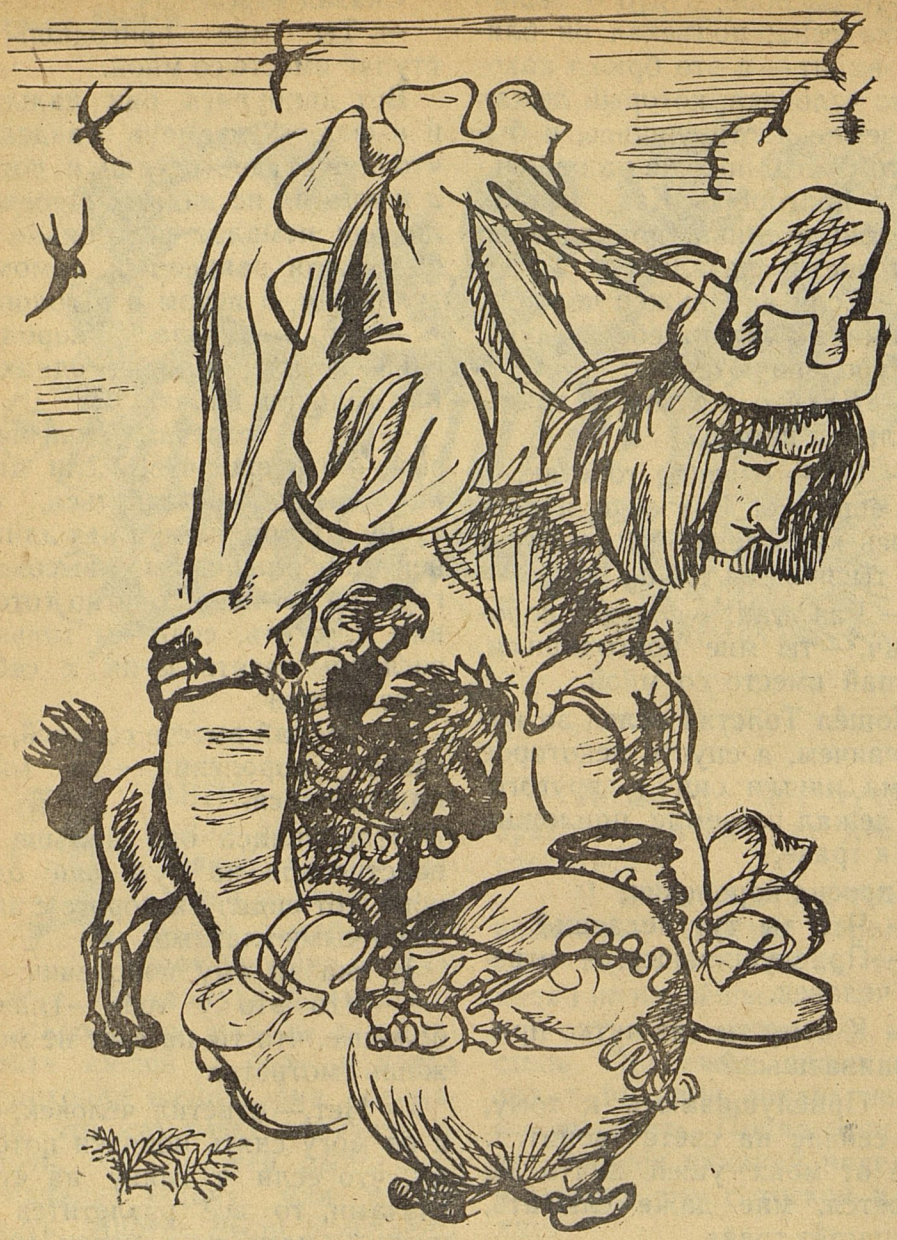
И сказал ему королевич:

— Что это у тебя — глаза больные, что ты на свет не можешь смотреть?

— Нет, — ответил человек, — я не могу снять повязки потому, что если я гляну на что глазами, то всё разлетится в куски, — настолько могуч мой взор. Если это вам может пригодиться, я готов вам охотно служить.

— Ступай вместе со мной, — ответил королевич, — ты можешь мне пригодиться.

Отправились они дальше и нашли по дороге человека, — тот лежал на самом солнце-



пёке и дрожал, его знобило так, что зуб на зуб не попадал.

— Как это может тебя знобить? — удивился королевич. — Ведь солнце греет так жарко.

— Ах, — ответил человек, — у меня совсем другая натура: чем жарче, тем я больше зябну и меня пробирает мороз до самых костей, а чем холодней, тем становится мне жарче; на льду я страдаю от зноя, в огне от холода.

— Странный ты человек! —

сказал королевич. — Но если хочешь мне служить, то ступай вместе со мной.

Вот отправились они дальше, видят — стоит человек, вытянул свою длинную шею и по сторонам глядит, и видно ему всё, что за горами делается.

Сказал королевич:

— Куда это ты так пристально вглядываешься?

Ответил человек:

— У меня такое острое зрение, что я вижу всё через леса и поля, горы и долы и через весь мир вижу.

Сказал королевич:

— Если хочешь, ступай вместе со мной, такого мне как раз недостаёт.

И вот двинулся королевич со своими шестью слугами в город, где жила старая королева. Он не объявил, кто он такой, а сказал:

— Если вы согласны выдать за меня вашу красавицу-дочь, я выполню то, что вы мне зададите.

Обрадовалась колдунья, что попал к ней снова в сети такой прекрасный юноша, и сказала:

— Я задам тебе тройную задачу, если выполнишь каждую из них, станешь господином и мужем моей дочери.

— А какая же будет твоя первая задача? — спросил королевич.

— Ты должен достать мне моё кольцо, что уронила я в Красное море.

Пошёл королевич домой к своим слугам и говорит:

— Первая задача не из лёгких: надо достать из Красного моря кольцо. Ну, как поступить?

Сказал тогда тот, у кого было острое зренье:

— Я посмотрю, где оно лежит.

Глянул он в глубь моря и сказал:

— Оно висит там на остром камне.

Отнёс их долговязый в те края и сказал:

— Да я бы его достал, мне бы только увидеть, где оно.

— Если дело только за этим стало, то я смогу! — воскликнул Толстяк и тотчас улёгся на землю, подставив свой рот к самой воде; и двинулись волны к нему в рот, точно в пропасть какую, и он выпил целое море, и стало оно сухое, как луг.

Нагнулся тогда Долговязый маленько и достал рукою кольцо. Обрадовался королевич, получив кольцо, и принёс его старухе. Удивилась она и говорит:

— Да, это то самое кольцо и есть. Первую задачу ты выполнил удачно, а теперь черёд за второй. Видишь, вон там на лугу перед моим замком пасутся триста откормленных

быков, — ты должен их всех съесть заодно со шкурой и шерстью, костьми и рогами, а внизу, в подвале, стоит триста бочек вина, — ты должен их все выпить; но если останется от быков хотя бы один волос, а от вина хоть одна капелька, прощайся тогда со своей жизнью.

Говорит королевич:

— А можно ли мне к себе гостей пригласить? Без людей-то и обед невкусен.

Засмеялась злобно старуха и ответила:

— Чтоб не быть тебе одному, можешь пригласить кого-нибудь, не больше одного.

Пришёл королевич к своим слугам и сказал Толстяку:

— Нынче ты будешь моим гостем и уж наешься досыта.

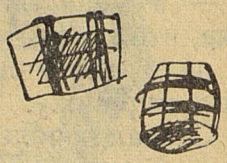
И вот раздулся Толстяк и съел триста быков, так что и волоска не осталось, и спрашивает, нет ли ещё чего закусить: потом выпил вмиг всё вино из бочек, даже стакана не потребовалось, вылизал всё, до последней капли на затычке.

Кончился обед, явился королевич к старухе и сказал ей, что вторая, мол, задача выполнена. Удивилась старуха и говорит:

— Этого ещё ни один человек не мог выполнить, но остаётся ещё одна задача. — А сама про себя подумала: «Уж ты от меня не уйдёшь, не сносить тебе головы на плечах». — Нынче вечером, — сказала она, — я приведу к тебе в спальню свою дочь, ты должен её там обнимать, а когда вы будете сидеть вдвоём, то смотри берегись, чтоб не уснуть: как пробьёт полночь, я приду, и если не будет она в твоих объятьях, то погиб ты тогда.

Подумал королевич: «Это задача лёгкая, уж я и глаз не сомкну», но он всё-таки кликнул своих слуг, рассказал им, что задала старуха, и говорит:

— Кто знает, какая за этим хитрость кроется, нужна осторожность, — вы стойте на страже и следите чтоб девушка из моей спальни не вышла.



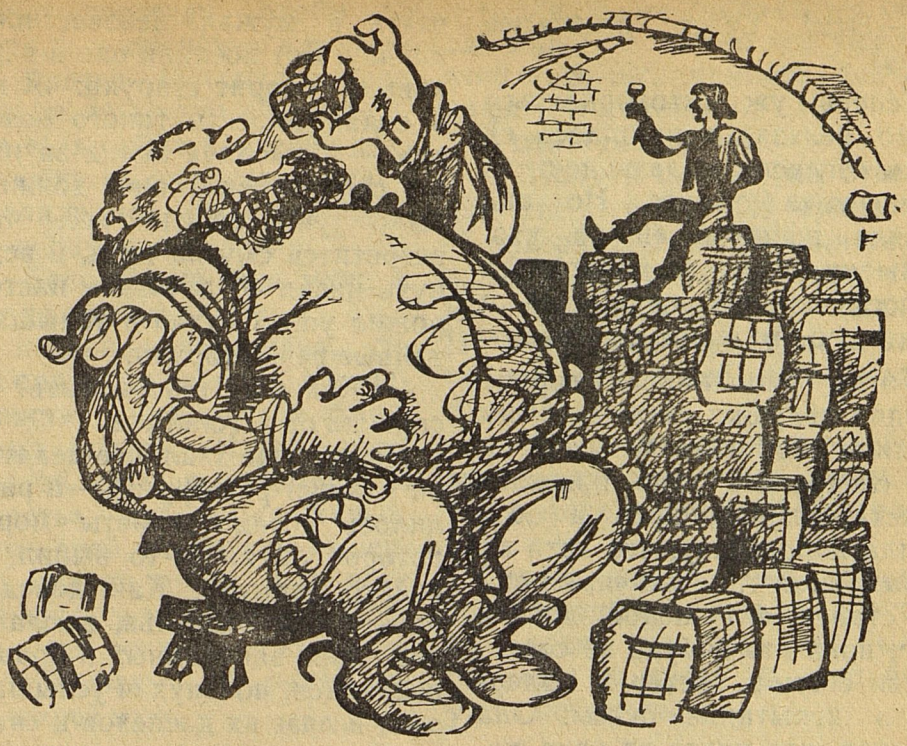
Наступила ночь, и явилась старуха со своей дочерью и передала её в руки королевичу. Протянулся тогда Долговязый вокруг них кольцом, а Толстяк стал у дверей, и ни одна живая душа проникнуть туда не могла бы. Сидели они там вдвоём, девушка и слова не молвила, светила луна в окно ей прямо в лицо, чтобы мог видеть он её чудесную красоту. Так продолжалось до одиннадцати часов, но вот старуха напустила на всех свои чары, и все вдруг уснули, и в этот миг девушка была похищена.

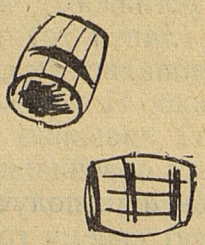
Проспали они крепким сном до без четверти двенадцать, и потеряло тогда колдовство свою силу, и они все проснулись опять.

— Ох, какое несчастье! — воскликнул королевич. — Теперь я погиб!

Верные слуги начали тоже причитать, но Слухач сказал:

— Тише, дайте мне прислушаться.





Послушал он чуть и говорит:

— Она сидит на утёсе, в трёхстах часах ходу отсюда, и оплакивает там свою судьбу. Ты, Долговязый, только один и мог бы помочь, если бы протянулся во весь свой рост, — стоит тебе сделать несколько шагов, и ты будешь там.

— Да, — ответил Долговязый, — но пускай идёт вместе со мной Остроглазый, чтоб мы могли убрать скалу.

Посмотрел Долговязый на того, кто был с завязанными глазами, и в тот же миг, точно по мановению руки, очутились они перед заколдованной скалой. Снял Долговязый у Остроглазого повязку с глаз, и только тот оглянулся, как развалилась скала на тысячи кусков. Взял Долговязый девушку к себе на руки и принёс её вмиг назад. Принёс он так же быстро и своего товарища, и не успело пробить двенадцать часов, как сидели они по-прежнему и были весёлые и бодрые. Вот пробило полночь, и подкралась старая колдунья, усмехнулась, будто желая сказать: «Теперь уж ты мой!». Она знала, что дочь её сидит на скале, в трёхстах часах ходу отсюда. Но как увидела она свою дочь в объятьях у королевича, испугалась и сказала:

— Этот будет посильнее меня!

Теперь уж отговариваться было нельзя, и пришлось ей дать согласие выдать дочь за королевича замуж. Но она успела шепнуть ей на ухо: «Стыдно тебе, что приходится простых людей слушаться и брать себе мужа не по любви».

Тогда наполнилось гордое сердце девушки гневом, и она решила отомстить. Она велела на следующее утро привезти триста вязанок дров и объявила королевичу, что хотя он и выполнил три задачи, но она не станет его женой до тех пор, пока кто-нибудь не согласится сесть в костёр и выдержать испытание огнём. Она думала, что никто из слуг жениха не согласится сгореть ради него и что из любви к ней он сам будет готов взойти на костёр, — а тогда уж она от него избавится. Но слуги сказали:

— Мы все кое-что сделали, только один Мерзляк ничего не сделал, пускай он усядется на костёр. — И посадили его посреди сложенных дров. Запылало пламя! Оно горело целых три дня, пока все дрова не сгорели, и когда пламя погасло, видят — стоит Мерзляк на пепле, дрожа как осиновый лист, и говорит:

— Ни разу за всю свою жизнь не испытывал я такого холода, если бы это продолжалось дольше, я бы совсем окоченел!

И нечего было делать — пришлось прекрасной девушке взять в мужья неизвестного юношу. Вот поехали они в церковь, и говорит старуха: «Я не в силах вынести такого позора», — и выслала вслед за ними своё войско, оно должно было уничтожить всё, что встретится ему на пути, и вернуть назад её дочь. Но насторожил уши Слухач и услышал тайные речи старухи.

— Как нам теперь быть? — спросил он у Толстяка.

Но тот уже знал, что делать: он плюнул раз-другой — и разлилось позади кареты море, которое он когда-то выпил, и войско утонуло. Как доведалась о том колдунья, выслала она своих закованных в броню всадников, но Слухач услышал звон и лязг их доспехов и снял у Остроглазого повязку, и только глянул тот на врагов, как полопались всадники, точно стекло. И поехал жених с невестой спокойно дальше, и когда их обвенчали в церкви, слуги решили получить расчёт и говорят своему господину:

— Ваши желанья исполнились, мы вам теперь больше не нужны, мы пойдём странствовать дальше и попытаем себе счастья.

А была в получасе ходьбы от замка деревня и пас вблизи неё своё стадо свинопас, подъехали они туда, и говорит королевич своей жене:

— А ты знаешь, кто я такой? Я свинопас, а тот вон, кто пасёт стадо, родной мой отец: нам надо пойти и помочь пасти ему стадо.

Вышел он с ней из кареты, зашёл в харчевню и тайно

шепнул хозяевам, чтобы те отобрали у неё ночью королевское платье. Проснулась она утром, и не во что ей одеться, дала ей хозяйка харчевни старую юбку да шерстяные чулки и сделала вид, будто это большой подарок, и сказала:

— Если бы не ваш муж, я не дала бы вам ничего.

И поверила королевна, что он и вправду свинопас, и начала пасти с ним вместе стадо, а сама думала: «Я это заслужила за своё высокомерие и гордость». Так продолжалось восемь дней, но больше выдержать она не могла, все ноги покрылись у неё ранами. Пришли к ней тогда двое крестьян и спрашивают её, знает ли она, кто её муж.

— Знаю, — говорит, — он свинопас: он только что ушёл, чтоб выручить немного денег за свясла и бечёвки.

А они и говорят ей:

— Пойдём с нами, мы отведём вас к нему. — И привели её наверх, в замок. Вошла она в зал, видит — стоит там её муж в королевских одеждах. Но она его не узнала, пока он не подошёл к ней, поцеловал и сказал:

— Я так много из-за тебя выстрадал, что и ты должна была тоже ради меня пострадать.

Отпраздновали они тогда по-настоящему свадьбу, а кто эту сказку сказывал, тот был бы тоже не прочь на свадьбе у них побывать.

● ● ●

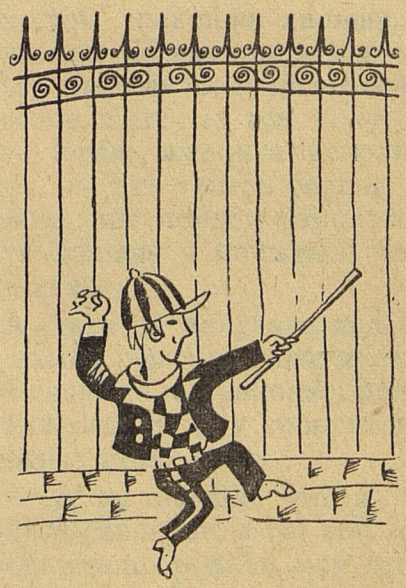
Мирослав ФЛОРИАН

Пражские трубочисты

Как нарядны фраки наши!
В угле, копоти и саже.
Так нарядны — хоть куда!
Да не греют, вот беда.
Если вьюга
Из-за труб
Зверем нападает, —
Зу-зу-зуб
На зу-зу-зуб
Не-не попадает!
Подкачали наши фраки,
Но себя не жалко, —
Лишь бы печи в нашей Праге
Полыхали жарко!

Музыкант

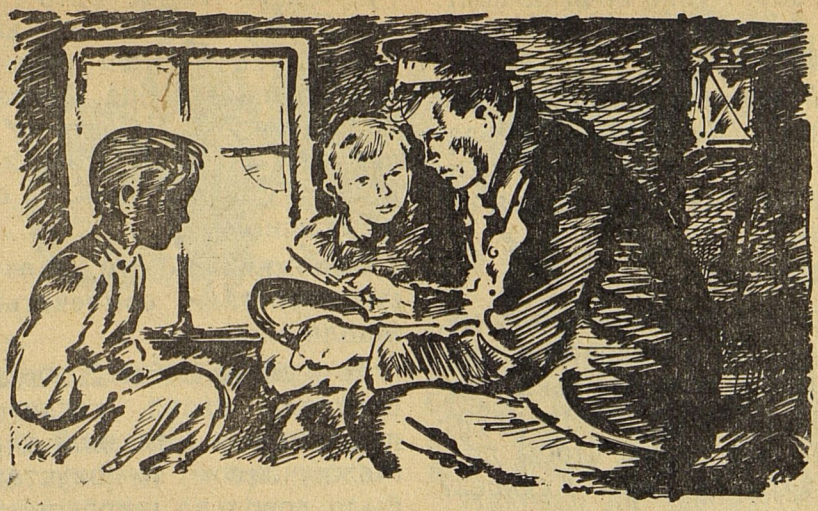
Вдоль забора —
Бегом!
Ног-то разве жалко!
Как по струнам
Смычком,
По забору — палкой!
Рррраз!..
Рррраз!..
Вот так раз!
Получается у нас!
Ноты все переберррру
Колышки заборррра.
Эту песенку-игррру
Кончу я не скорррро!



Перевод с чешского
С. ПОГОРЕЛОВСКОГО

Рисунки Г. Ясинского

А. ВЛАСОВ, А. МЛОДИК



ПОДСНЕЖНИКИ

Рисунки В. Бескаравайного

В ПИТЕРЕ

Дойдя до леса, тётя Ксюша обернулась. Отсюда, с холма, всё было видно. Дымились трубы в деревне. Семён Егорович, не слезая с коня, разговаривал с каким-то мужиком, стоявшим у калитки. Бугасов нёс на коромысле вёдра к дому. У колодца, где тропка была покрыта льдом, катались соседские мальчишки.

Эту уловку придумал Федька. Когда братья поравнялись с колодцем, тётя Ксюша подходила к лесу. «Ведь обернётся! Обязательно обернётся!» — подумал тогда Федька. Ничего не объясняя, он схватил Карпуху за руку, подтащил его к наезженной горке и заскользил вместе с братом вниз.

— Хитрый ты! — с уважением сказал Карпуха.

Федька не обратил внимания на похвалу. Он краешком глаза следил за женщиной. Когда она скрылась за деревьями, Федька засмеялся, довольный собой.

— Съела?

— Как же она Гришу-то оставила? — неожиданно вспомнил Карпуха. — Больной же!

— Такие уж люди! — неодобрительно сказал Федька.

Продолжение. Начало в «Искорке» № 4 за 1968 г.

— Какие?

— А такие, что за ними следить надо! Зуйко ночи не спит. Из-за них, наверно!.. Пошли, а то уйдёт!

— Может, лучше с Гришей посидим?.. Если дверь не заперта... А то и через окно можно. Будем ему кричать для весёлости.

— Отстань!

Федька рассердился потому, что и сам почувствовал сомнение. Нехорошо всё-таки следить за матерью своего дружка. Кто они такие, чтобы подглядывать за тётей Ксюшей? Зуйко ничего им не поручал. Да и он, может быть, пошёл совсем не за Семёном Егоровичем.

Так думали оба брата, нерешительно поднимаясь вверх по отлогому склону холма.

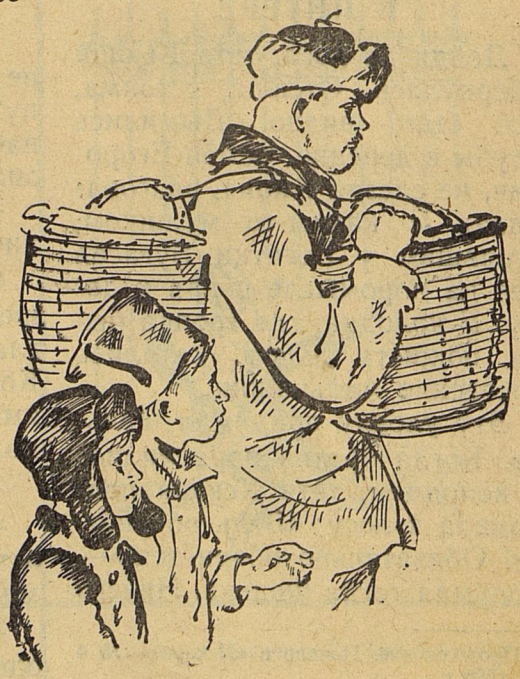
Припомнилось им, что и хлеб они едят соседский, и солонина — их же, и капуста. Правда, долг придётся отдавать, но другие и не подумали помочь Дороховым... А Прошка чьим сеном сыт?.. И откуда они взяли, что Зуйко из-за соседей поселился у них на чердаке?

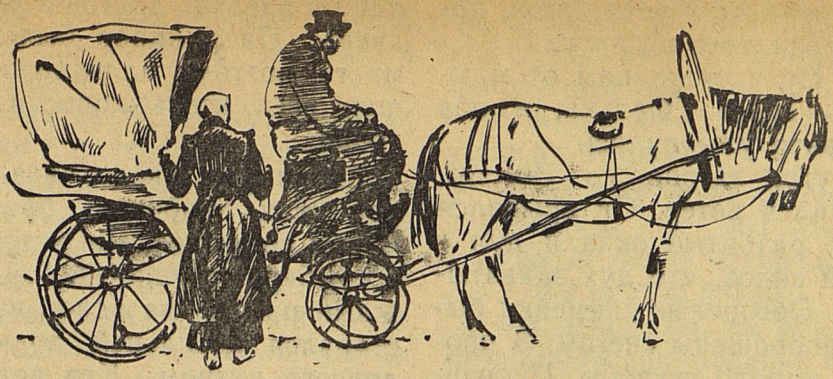
Но тогда зачем дядя Вася тайком ждал врача, который дежурил около Яши? Крутогоров не такой уж свободный человек, чтобы тратить целый день на незнакомого мальчишку. И зачем Зуйко прятался на кладбище, когда хоронили Яшу?..

Братьев вновь охватила неприязнь к Семёну Егоровичу. Это он бил Яшу до кровавых рубцов. А что же мать глядела? Такая же, значит, как и отец! Рука у Яши была как красно-синяя зебра. А ведь не пожаловался! Ничего не рассказал! Боялся, что ли? И Гришка твердил одно: «Страшно!»

Вспомнив всё это, мальчишки перестали сомневаться и вошли в лес.

Второй раз тётя Ксюша посмотрела назад, когда уже подходила к железной дороге. Между лесом и полустанком было довольно широкое снежное поле, по которому тянулась к переезду дорога. По ней двигался взвод красноармейцев. Мальчишки пристроились сзади них. С полустанка ребят нельзя было заметить. Красноармейцы — рослые,





крепкие. Мальчишки терялись за ними.

— А если она на поезд — и мы поедем? — прошептал Карпуха.

Федька долго не отвечал. Он давно думал об этом и ещё не решил, как поступить, если тётя Ксюша действительно поедет на поезде. Неизвестно, куда она поедет. Не потащатся же они за ней на край света!

— Чего молчишь-то? — спросил Карпуха.

— Не поедем! Дойдём только до полустанка, поглядим, куда она, — и домой!

Взвод пересек железную дорогу. У будки красноармейцы сбили строй и гуськом пошли по бровке к семафору, где ожидали поезда несколько молочниц с большими бидонами. Там же была и тётя Ксюша. А мальчишки спрятались за той самой будкой, из которой когда-то старый железнодорожник смотрел на арестованных Дороховых. Сейчас она пустовала. Старик ушёл куда-то. Никто не мешал братьям по очереди выглядывать из-за будки. Тётя Ксюша в сером пуховом платке, в желтоватых бурках медленно прохаживалась вдоль линии. На руке у неё висела небольшая сумка.

Наконец за поворотом прогудел паровоз. Состав был длинный и смешанный: впереди пассажирские вагоны, за ними — товарные, а сзади — ещё два пассажирских, с разбитыми стёклами, с обгоревшими рамами, с продырявленной обшивкой. Их тащили, наверно, на ремонтный завод.

Когда поезд остановился, Федька снова выглянул из-за будки.

— Села. Можешь не прятаться.

Братья вышли на бровку. Посадка заканчивалась. Последние красноармейцы забирались в вагоны. На полустанке не осталось никого, кроме мальчишек. Паровоз снова прогудел.

— Уедет! — вздохнул Карпуха.

Загремели буфера.

— Не уедет! — крикнул Федька и подтолкнул брата. — Садись!

Мальчишки на ходу влезли

во второй от хвоста вагон, посмотрели друг на друга.

— Ну и будет нам от мамки! — сказал Федька, и оба виновато улыбнулись.

Внутри вагона со свистом кружился ветер. Он врывался через разбитые окна и дул с такой силой, что дух захватывало. Обгорелые скамейки были запорошены снегом. В проходе намело сугробы. Пронзительный холод сразу дал себя почувствовать. Ребята вернулись в тамбур — там хоть не так дуло.

— А что дальше? — спросил Карпуха.

— Что она, то и мы, — ответил Федька не очень уверенно.

— А что она?

— Не приставай!.. Увидим. На каждой остановке будем смотреть.

— А если она в Питер?

— И в Питере не ослепнем! — храбрился Федька.

В Петрограде братья никогда не бывали. Знали только, что это очень большой город. Такой большущий, что если утром с одного конца выйдешь, то только к вечеру до другого конца дойдёшь. И заблудиться в Питере легче, чем в лесу. Мальчишки и боялись, что им придётся поехать в этот город, и в то же время они были бы огорчены, если бы им пришлось сойти с поезда раньше.

Но станции следовали одна за другой, а тётя Ксюша ехала всё дальше. Это братья знали твёрдо. Как только поезд сбавлял ход, они выглядывали один в правую, другой в левую дверь. Пассажиров было немного, поэтому мальчишки видели всех, кто выходил из вагонов.

Ехали уже около часа. Холод стал пробирать братьев. Чтобы согреться, они устроили в тамбуре петушиный бой. Каждый прыгал на одной ноге и старался посильней толкнуть другого плечом. Кто вставал на вторую ногу — тот и проигрывал. Потом они тёрли друг другу уши, а когда согрелись, поезд подходил к перрону Балтийского вокзала.

Федька выглянул в дверь и с уважением и страхом прошептал, оглянувшись на брата:

— Питер!

Платформа наполнилась людьми. Высыпали из вагонов и стали строиться красноармейцы. Все устремились в одну сторону — туда, где виднелось здание вокзала. Мальчишки тоже побежали вперёд. Они уже не прятались. Хоть и мало пассажиров приехало с этим поездом, а по узкой платформе люди шли довольно густым потоком. В нём не разглядишь двух мальчишек. А они увидели тётю Ксюшу. Это Карпуха догадался. Федька — тот всё вытягивал шею, чтобы увидеть серый пуховый платок на её голове. А Карпуха был пониже и смотрел на ноги. Он-то и заметил впереди желтоватые бурки, отделанные коричневыми полосками кожи.

— Вон она!

Тётя Ксюша теперь шла

очень быстро, обгоняя других пассажиров. Её бурки так и мелькали.

У вокзала рядами стояли санки и тележки — самый ходовой транспорт того времени. Извозчиков в Петрограде было очень мало. Только один виднелся на привокзальной площади. К нему никто не подходил. Люди знали, что за проезд придётся платить хлебом.

Мальчишки, пристроившись за спиной грузного мужчины, который нёс две большие корзины, перекинутые на ремне через плечо, видели, как тётя Ксюша подошла к этому извозчику, вытащила из сумки полкаравая хлеба.

— К Елагину острову! — услышали братья и, приоткрыв рты, растерянно уставились вслед пролётке, которая быстро скрылась за домами.

— Всё? — разочарованно спросил Карпуха.

— Всё! — ответил Федька. — Можно назад ехать.

— И дураки же мы с тобой!..

Федька не стал спорить. Ему нечего было возразить. Глупо получилось. Ехали, мёрзли... А зачем? Чтобы увидеть, как она на извозчике поедет? На извозчиков они и в Ямбурге нагляделись. Братьев уже не радовало, что они оказались в Питере. Ничего особенного вокруг не видно. По площади снуют люди. Одни спешат на вокзал, а другие — с вокзала. Пересекают площадь и исчезают за бесконечными, уходящими во все стороны домами. Федька с Карпухой тоже могли бы пойти в любую сторону. Только зачем?

— Куда она сказала? — спросил Карпуха.

— На остров на какой-то.

— Какой же тут остров? Это же не озеро, а город!

— А я откуда знаю!

Они вернулись на вокзал и огорчились ещё больше: их поезд отправлялся через четыре часа. Федька подсчитал, что дома они будут часов в семь. Да и будут ли? Ещё не известно, как всё обернётся.

Братья долго слонялись по залам и переходам, пропахшим карболкой. Им хотелось посидеть где-нибудь в тепле, но на лавках — ни одного свободного места. И никто не вставал, не уходил. Казалось, что люди устроились тут на всю жизнь. Какая-то молодая женщина укачивала ребёнка и напевала привычно, по-домашнему. Мужчина в барашковой шапке жадно ел хлеб и громко разгрызал крупные кристаллики соли, густо посыпанной на ломоть. Многие дремали, подсунув под ноги мешки и корзины, — и спать удобнее и не украдут.

В углу зала, где скамейки сходились и образовывали тупичок, толстая старуха, широко расставив ноги, разжигала на полу примус. Едко запахло керосином. Старуха поставила на огонь кружку с какой-то бурой жидкостью, но ей помешали — зашумели со всех сторон:

— Спятила, старая?

— Пожар устроишь!

— Кухню нашла!

Старуха бойко отругивалась, пока кто-то не пригрозил сходить куда надо и привести кого следует. Тогда она выпустила из примуса воздух, спрятала его в кошёлку и молча вышла из зала.

Мальчишки заняли её место.

— Поесть бы! — мечтательно сказал Карпуха, пригревшись у Федькиного плеча.

Брат только поморгал глазами.

— Долго ещё до еды... Сначала от мамки будет...

— Ну и что?.. Зато потом накормит!

Мальчишки готовы были вынести любую взбучку, лишь бы поскорей добраться до дома. А время тянулось медленно-медленно, и никакими силами нельзя было заставить его двигаться быстрее.

Под негромкий нудный шумок, ни на секунду не прекращавшийся в зале, Карпуха привалился к брату и заснул. А Федьке было не до сна. Он — старший. Ему и отвечать за всё. И перед мамкой, и перед матросом. А Зуйко обидится, конечно, разозлится. Кто им велел ехать за тётей Ксюшей? «А мы и не скажем ему ничего!» — решил Федька, но тут же сообразил, что это неправильно. Хоть и мало, но кое-что они всё-таки узнали. И может быть, это очень пригодится чекистам. Ничего скрывать не надо. Наоборот, нужно как можно скорее сообщить матросу обо всём. А ещё лучше бы — самому дяде Васе.

Только Федька подумал о Крутогорове, как что-то словно кольнуло его. Можно же позвонить! Мамка звонила с полустанка, а из Питера ещё легче!

— Карпыш!

Карпуха испуганно дёрнулся, приоткрыл глаза:

— Чего?.. Приехали?

— Идём!

Карпуха понял, что они всё ещё на вокзале, и спросил:

— Пешком?.. Далеко же!

— Да проснись ты! — Федька даже потряс брата и рассказал про телефон.

Мальчишки во многом были похожи на мать — такие же неробкие, напористые. Посовещавшись, они решили пойти прямо к начальнику вокзала и потребовать, чтобы он соединил их с дядей Васей.

Комната начальника вокзала помещалась в левом крыле здания. В приёмной сидела женщина в военной гимнастёрке, подпоясанной широким ремнём.

— Вы куда?

Федька кивнул на дверь, за которой слышался приглушённый мужской голос.

— К нему.

— Зачем?

Но Федька уже открыл дверь в кабинет. Карпуха не отставал от него ни на шаг. Первое, что увидели ребята, — это телефон. Начальник вокзала, молодой, курчавый, с широким носом и насмешливыми глазами, прислушивался к тому, что говорили на другом конце провода. Он внимательно осмотрел мальчишек и

махнул рукой. Ребята догадались по взмаху, что этот жест относится не к ним, а к кому-то сзади них. Они обернулись. Погрозив им пальцем, секретарша вышла из кабинета.

У стола стояли два стула. Мальчишки сели и выжидательно уставились в рот курчавому начальнику. А он положил трубку, подпёр голову кулаком и подался всем корпусом вперёд — к ребятам.

— Работает? — спросил Федька, дотронувшись пальцем до телефона.

— Работает... Слышно плоховато, — пожаловался начальник, будто перед ним сидел мастер по телефонной связи.

Федька улыбнулся. Он любил шуточки.

— Поговорить можно?

— Пожалуйста!

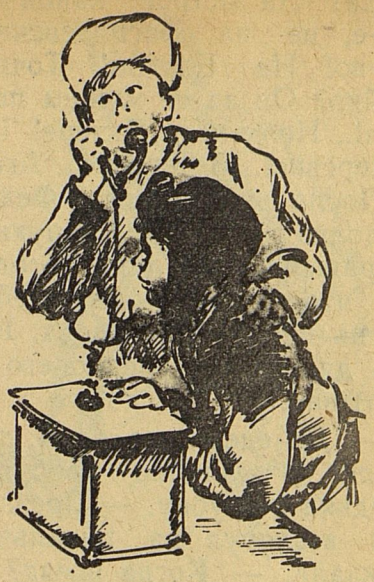
Начальник вскочил и подвинул телефон к ребятам. Федька, не подумав, потянулся к трубке, но не взял её — отвёл руку.

— Ты сам вызови, а я поговорю. Ораниенбаум, чека, самого главного — Василь Васильича...

— Самого главного? — переспросил начальник. — Тогда к Дзержинскому нужно — в Москву.

— Мы серьёзно! — твёрдо произнёс Карпуха. — Мы не шутим!

Начальник вокзала ещё раз окинул взглядом пареньков, по-хозяйски сидевших у его стола, снял трубку, назвал какую-то фамилию. И произошёл такой разговор:



— Слушай! Это Чухлин говорит... Кто там из ваших в Ораниенбауме заправляет?.. Так! А звать?.. Спасибо!

Ничего не сказав ребятам, начальник вокзала принялся накручивать телефонную ручку и вызвал ораниенбаумскую чека. В трубке щёлкало так громко, что и ребята слышали. Наконец Ораниенбаум ответил.

— Товарищ Крутогоров? — спросил кудрявый начальник. — Чухлин говорит, с Балтийского вокзала. Тут вас два паренька добиваются... А это уж они сами доложат.

Получив трубку, Федька закричал что есть духу:

— Дядя Вася! Это мы — Федька!.. Ну, Дороховы! Прошку-то помните? Мы тут с Карпухой в Питере — на вокзале, а она на извозчике уехала! Кто она?.. Да эта!.. Яшку-то помните? Умер который!..

Куда? На остров какой-то!.. Не-е, не на Васильевский!.. Во-во! На Елагин! Точно!.. Зуйко? Он за её мужем потопал!.. Не-е, не в Питере! Там, в деревне!.. В деревне... Ага!

После этого «ага» Федька надолго замолчал. Карпуха по выражению его лица догадался, что брат слышит сейчас очень неприятные слова. Видно, дядя Вася крепко его отчитывал.

— Да едем уже, едем, дядя Вася! — жалобно пробурчал Федька в трубку. — Поезд? — Он взглянул на начальника вокзала. — Когда поезд?

— Через двадцать минут, — подсказал тот.

— Через двадцать! — прокричал Федька. — Ладно! Слезем!

Федька встал и, как оглушённый, пошёл к двери. Карпуха бросился за ним:

— Что? Что он сказал?

— То и сказал! Пообещал десять суток!

Позабыв о кудрявом начальнике, мальчишки вышли из кабинета и миновали приёмную с секретаршей, которая удивлённо встряхнула стриженой головой.

— В Ораниенбауме приказал сойти, — рассказывал Федька. — Он нас с машиной ждать будет.

— И сразу на десять суток? А мамка?

— Это ж так! Постращал просто! — успокоил Федька брата. — Ничего он нам не сделает!.. Вот про остров — он прав! Название-то мы забыли! Курицы, говорит, беспамятные!

— Так и обозвал? — обрадовался Курпуха.

— Та-ак!.. А чего ты развеселился?

— Значит, ему нужно было знать, куда она поехала! Значит, она контра! Гидра!

Для ребят это было настоящим открытием. Вся их поездка теперь приобретала большой смысл, и предстоящий разговор с матерью больше не пугал их. Даже есть стало хотеться меньше.

Окрылённые, вышли мальчишки на перрон и не заметили тётю Ксюшу, которая уже была там и вместе с другими пассажирами ожидала поезда.

Женщина увидела братьев, и что-то разом изменилось в её красивом спокойном лице. Какая-то тень пробежала. Глаза утонули. Губы потвердели. Она осмотрела всех, кто был поблизости, и неторопливыми шажками, какими ходят люди, вынужденные ждать, приблизилась к мальчишкам. А они всё еще обсуждали своё открытие. Не только жена Семёна Егоровича, но и другие пассажиры слышали их возбуждённые голоса.

— Не Ёлкин, а Елагин! — сердился Федька.

— Всё равно — гидра! — горячился Карпуха. — Я с самого начала знал — с Яшки!

Женщина тем же медленным шагом отошла от них. У дверей вокзала она остановилась в нерешительности, оглянулась. Поезд уже подавали. Помигивая красным фо-

нарём, задний вагон двигался вдоль платформы. Федька с Карпухой соскочили с платформы и перебежали через рельсы. Женщина видела всё это и поняла, что мальчишки поедут «зайцами» на какой-нибудь подножке. Она вернулась на платформу и вошла в задний вагон.

Поезд вскоре тронулся. Когда за окнами проплыли последние пригородные домишки, женщина вышла в тамбур. Здесь она долго стояла, привалившись спиной к стенке и широко, по-мужски расставив ноги в жёлтых бурках. Она несколько раз взглянула на дверь, ведущую в вагон. И было в её взгляде какое-то тревожное ожидание. Словно кто-то мог выйти за ней и не выходил. А она всё ждала. Наконец, решившись на что-то, женщина рывком открыла наружную дверь и, прищурившись от резкого встречного ветра, посмотрела вперёд. Уже наступали ранние зимние сумерки. Пахло паровозной гарью и снегом. Где-то в середине состава на подножке чернели два пятна. Она сосчитала, какой это вагон, мягко, без щелчка, прикрыла дверь, опять прислонилась к стенке и перекрестилась.

На следующей остановке женщина соскочила на платформу, побежала вперёд и вошла в тот вагон, на подножке которого с другой стороны ехали мальчишки. Она села у окна и через протаянный кем-то глазок увидела у вагона ребят. Они грелись, по-петушиному набрасываясь друг на друга. У Карпухи слетела шапка с головы. Федька поднял её и напялил на брата. Прогудел паровоз. Мальчишки бросились к подножке.

Женщина сидела у окна и со скучающим видом рассеянно оглядывала пассажиров. Нога у неё была закинута на ногу, левая рука лежала на колене. Спокойная, немножко задумчивая поза. И только пальцы нервно похлопывали по колену.

Где-то на середине перегона женщина вышла в тамбур. Там обнимались два подвыпивших деревенских мужика. Они не обратили на неё внимания. Покачиваясь, поглаживая друг друга по спине, они с пьяным умилением бормотали что-то, понятное только им одним.

Женщина вернулась в вагон. Теперь она села рядом с дверью, из-за которой, то ослабевая, то усиливаясь, доносились голоса мужиков.

Проехали ещё несколько станций. Пьяные сошли на последней перед Ораниенбаумом остановке. Следующий перегон был короткий. Иззябшие, исхлёстанные ветром и снегом мальчишки даже не поверили, что вон те приближающиеся огоньки и есть Рамбов.

— Никак доехали? — хрипло выдавил из себя Карпуха.

Федька мотнул головой, согнутым локтём потёр онемевший от холода нос и слезившиеся глаза. Когда он отнял руку от лица, что-то жёлтое обрушилось сверху на Карпухин затылок и сбросило брата с подножки.

— Карп! — завопил Федька, но тупой удар в шею швырнул и его прочь от поезда.

Свистнуло в ушах, обожгло судорожно вытянутые вперёд руки, толкнуло так, что болезненный звон пошёл по всему телу, и стало нестерпимо душно и тихо, как в могиле. Федька приподнялся на руках, закашлялся, выплёвывая набившийся в рот снег, и со стоном позвал:

— Карпыш!.. Ка-арпыш!

— Федька, — послышалось глухо, как из-под земли.

Снег зашевелился, показалась голова Карпухи. Федька подполз к нему, сбросил варежки, ухватил брата за лицо с кровавой царапиной на щеке и, расслабленно улыбнувшись, чмокнул его в лоб.

— Молодец, Карпыш! Молодчина! Умница!

(Продолжение следует)

Сказка-загадка

Собрались Толя и Галя и пошли. В поход!..

И вдруг у самого дома увидели Лису.

— Твоё место — в лесу, что ты здесь делаешь? — удивились дети.

— Если читать умеете — сами узнаете, — ответила хитрая Лиса.

— А я спать буду!.. И свернулась клубочком. А вокруг неё — листочки с буковками.

Буквы-то есть, а вроде бы и не прочитать...

Думали-думали — прочитали всё-таки! И пошли. А Лиса вдруг кричит:

— А куда вы идёте? И зачем?

— Ты на наш вопрос загадкой ответила, — сказал Толя, — так теперь сама погадай: девять, четыре, тринадцать, десять, одиннадцать, девятнадцать, шесть, один, десять, четырнадцать, двенадцать!..

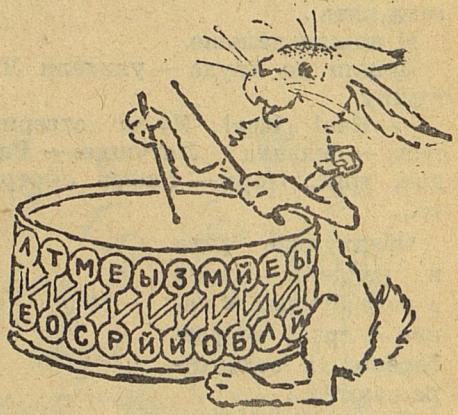
И пошли ребята дальше.

Только недалеко ушли — возле речки с Гусем встретились.

Гусь как гусь, кричит, крыльями машет... И прошли бы дети мимо, да Галя вдруг остановилась и прислушалась:

— Толя, а кричит-то он не так, как все гуси!

Оказывается, Гусь не просто кричал, — он тоже загадал ребятам загадку.



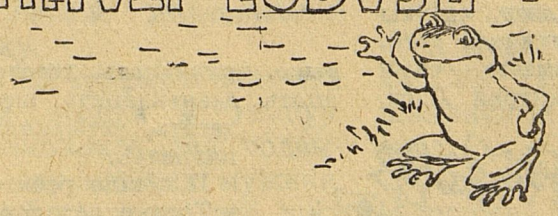
И ему назвали дети несколько чисел:

— Шестнадцать, два, восемь, три, десять, пять.

А в роще встретился Заяц. Он нёс большой барабан.

— Что это ты с барабаном, уж не из цирка ли убежал?

В ПРЯХ ТАРАС КРИЧАТЬ ГОРАЗД



— Нет, не из цирка... У меня барабан особенный!

Посмотрели ребята — верно, особенный. Написана на барабане загадка.

— Хорошая у тебя, Зайка, загадка, — сказала Галя. — А мы тебе тоже загадку загадаем. Слушай и запоминай: шесть, четыре, шестнадцать, два, восемь, семь, пять...

И пошли дальше.

Дошли до пруда — увидели Лягушку.

— Ква! Ква! Ну-ка отвернитесь, — сказала Лягушка. — Раз, два, три!.. Пора — теперь смотрите...

Обернулись дети и увидели — стоят в воде буквы. А какие — сразу не разберёшь, в воде отражаются...

Посмотрели подумали — всё же прочитали.

— Ишь ты какая! А у нас для тебя тоже есть что-то... Выслушай и запомни: два, двадцать, пять, восемь, три, двенадцать, четырнадцать!

Только отошли ребята от пруда — навстречу Медведь.

Делом он занят — бревно несёт. Только на бревне — тоже загадка.

— Твою загадку нетрудно разгадать, — сказал Толя. — А вот разгадай-ка нашу: двадцать три!..

И ушли ребята поскорее — Медведь всё-таки не Заяц и не Лиса...

И вот, в самой лесной чаще, увидели дети Оленя.

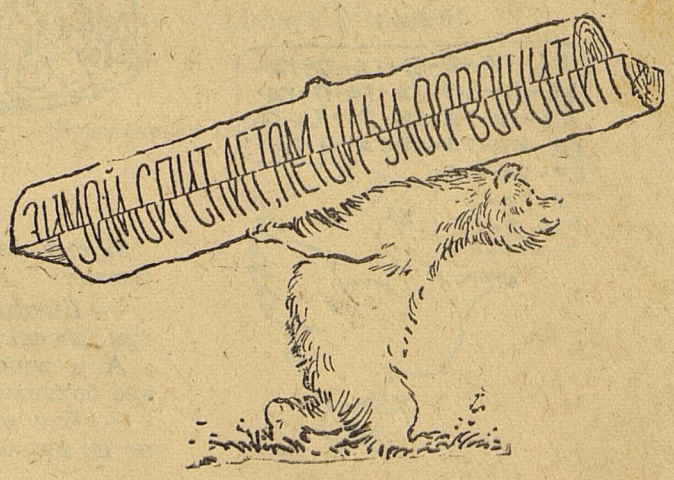
— Что вы здесь делаете? — удивился Олень.

— Очень важное у нас дело! — сказала Галя. — Мы, пожалуй, расскажем тебе, если ты нам что-нибудь интересное скажешь.

— За мною дело не станет... Читайте на рогах. Только, чур, по очереди: первую букву на одном роге, вторую — на другом...

— Спасибо, Олень! Слушай теперь, что мы тебе скажем: один, три, десять, одиннадцать!..

И больше ребята никого не видели — делом своим важным занялись.



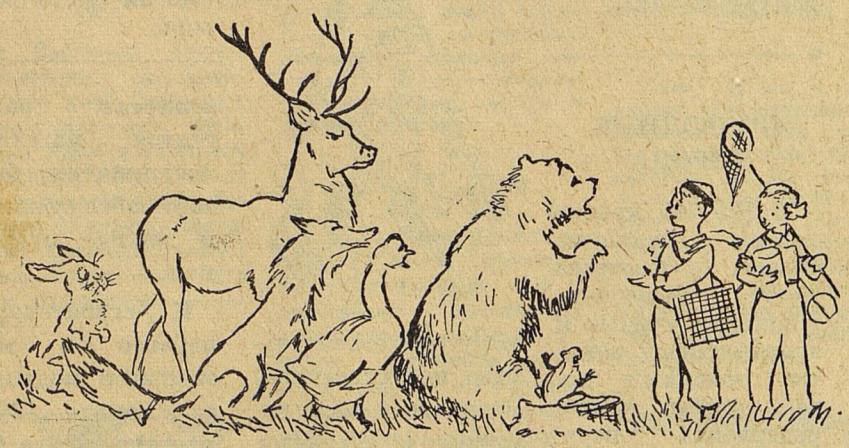
Но на обратном пути они снова увидели всех, кто им загадки загадывал, — все они ждали ребят на лесной полянке.

— Что же вы нас обманули! — заревел Медведь. — У нас настоящие загадки, а у вас — неизвестно что!

— Нет, Медведь, мы вас не обманывали, — сказала Галя. — Каждому из вас мы сказали кусочек нашей загадки, но здесь вы все собрались вместе, и вам совсем просто соединить кусочки и узнать всю загадку... Тогда вы узнаете, что́ нам здесь было нужно. Мы сделали свою загадку из тех, которые вы нам загадывали!

* * *

Так для чего же всё-таки ребята ходили в поход, как вы думаете?



КАК В ЗООСАДУ

Пуэрториканские учёные проделали интересный опыт. Три научных работника на время переселились в джунгли для изучения поведения обезьян в естественных условиях. Домом им служила железная клетка.

Обезьяны вели себя почти так же, как посетители в зоологическом саду. Сначала они внимательно рассматривали людей, потом стали их дразнить, просовывая сквозь прутья клетки бананы.

И ЛЬВАМ НУЖЕН ПОКОЙ

Том Форью из Сан - Франциско, будучи навеселе, прогуливался по зоосаду и случайно забрался в клетку ко львам. Там он и уснул. Через несколько часов Том был выдворен оттуда полицией и оштрафован за то, что «не только подверг опасности собственную жизнь, но своим храпом нарушил сон львов, которые вполне заслужили покой».

НАШЕСТВИЕ ОЛЕНЕЙ

Неожиданные соседи появились у жителей Норильска минувшей осенью — дикие северные олени. Многочисленные табуны их подходили вплотную к городу, перебегали дорогу перед автобусами.

Учёные изучают причины, вызвавшие появление оленей. Обычно они ещё в августе уходят в горы. На этот раз, видимо, долгая тёплая осень задержала их в лесотундре. Обильные снегопады занесли перевалы, и олени не смогли пробиться в горы.

ПОДВОДНЫЕ ГОРОДА

В Японии наблюдается исключительно быстрый рост населения. Японские учёные и архитекторы заняты поисками путей, чтобы как-то разгрузить перенаселённые районы страны, создав принципиально новые жилые массивы.

Группа архитекторов разработала фантастический проект строительства в море подводных городов. Проектируется строительство искусственных островов в виде гигантских стальных платформ. Платформы разделены на несколько этажей стальными корпусами, уходящими в глубь моря на 30 метров и связанными между собой переходами. В корпусах разместятся магазины, предприятия бытового обслуживания и жилые помещения.

К строительству первого в мире опытного подводного города будет приступлено в ближайшем будущем. Уже приобретён участок в 12,5 тысячи квадратных метров. В дальнейшем такие города возникнут близ Токио, Осаки, Нагои и Ниигаты.

ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ, ЧТО...

...«космическое» путешествие можно совершить в... автомобиле? Американец Роберт Смит посетил Юпитер, Венеру, Луну, Нептун и Плутон. Такие названия носят небольшие города в американских штатах Флориде, Луизиане, Техасе, Виргинии, Нью-Джерси и Калифорнии.

★

...на одном из стадионов в Югославии проводилась футбольная игра? Матч был в полном разгаре, когда центральный нападающий сильным ударом поднял мяч высоко над землёй. Прошла секунда, другая, третья, — мяч не опускался на землю. И вдруг стадион содрогнулся от смеха: зрители заметили, что мяч ухватил когтями орёл, пролетавший в это время над стадионом. Хищник так и улетел со своей добычей.

★

...в Восточной Африке новорождённый сам выбирает себе имя? Плачущего младенца обступают повивальные бабки и наперебой перечисляют имена членов семьи и родственников. Если после какого-то имени ребёнок замолкает, значит оно ему понравилось. Это имя и присваивают младенцу.

★

...в Англии сбежала от хозяев ручная черепаха? Через два года беглянку нашли по приметам: на её панцире масляной краской был написан адрес хозяев. За это время черепаха преодолела расстояние в 385 километров.

★

...в трал рыболовного судна «Андрус Иохани» попал... морской лев? Он повел себя весьма добродушно, проявил большой интерес к устройству корабля, с аппетитом поел рыбы из последнего улова, позабавил моряков гимнастическими трюками и, главное, никак не хотел вернуться в морскую пучину. Рыбакам пришлось смыть его с палубы при помощи брандспойта.

★

...в Африке растёт колючий кустарник со странным названием «подожди немножко»? Шипы кустарника вонзаются в одежду и держат человека.

★

...чай бывает и в... порошке? Учёным удалось из чайного листа получить быстрорастворимый чай в мельчайших кристаллах, напоминающий жёлтый порошок. Достаточно положить щепотку его в стакан с горячей или даже холодной водой, чтобы иметь ароматный и питательный напиток. По составу питательных веществ полграмма порошка равноценно шести граммам зелёного чая.

★

...на острове Ре в Бискайском заливе всем ослам надевают брюки в полоску? Это предохраняет их от комаров.

★

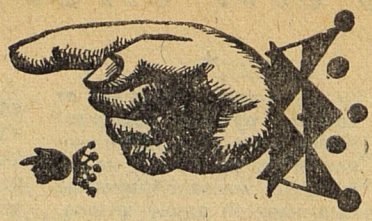
...удалось составить «словарь» обезьяньего языка? Группа английских учёных, наблюдая за поведением человекообразных обезьян, собрала и систематизировала все звуки и целенаправленные жесты, которыми обезьяны пользуются при общении между собой. «Словарь» охватывает около 30 жестов и столько же звуков.

★

...в городе Ганнибал (штат Миссури, США) на несколько часов было парализовано автомобильное движение? Причиной явились... муравьи. За одну ночь колонна насекомых соорудила на мосту целый городок из песчаных холмиков и заселила его. Только при помощи специальной команды дорожных рабочих удалось освободить мост от пришельцев.

★

...одно время в Англии самым разговорчивым существом считался попугай по имени Спарки? Он знал наизусть восемь коротких поэм и читал их без перерыва. Спарки принимал участие в телепередачах, выступал с «лекциями» о кормлении комнатных птиц. Он даже имел свой личный счёт в банке и платил государству налоги.



СОДЕРЖАНИЕ:

Белый пароход. Стихи Семёна Когана 1
Не любо — не слушай. Статья Вл. Бахтина 2
Фёдор Набелкин и богатыри. Белорусская сказка . . . 7
Почему море солёное. Французская сказка 12
Украинские народные сказки 13
Как Алдар-Косе выручил бедную вдову. Казахская сказка 15
Дурень и пёрышко. Канадская сказка 17
Великан. Сказка в стихах Ованеса Туманяна 18
Ма Тан-Пи и торговец яйцами. Вьетнамская сказка . . 22
Говорящая лошадь. Североамериканская сказка . . . 23
Кто стучит? Испанская сказка 24
Глупый раджа. Индийская сказка 26
Об обманщике. Ирландская сказка 28
Индюк и Лис. Североамериканская сказка 30
Черная курочка. Сказка в стихах А. А. Милна . . . 31
Неисправимый лентяй. Канадская сказка 32
Как ослик обиделся. Стреконожка. Петух. Свиная мудрость. Могло быть хуже. Сказки Ю. Степанова . . 33
Чудесный ларец братьев Гримм. Статья Вл. Сашонко . . 35
Шестеро слуг. Сказка братьев Гримм 40
Пражские трубочисты. Музыкант. Стихи Мирослава Флориана 48
Подснежники. Продолжение повести А. Власова и А. Млодика 49
Сказка-загадка 59
Пёстрые заметки 62

На **первой странице** обложки рисунок художника П. Вискова **«Старая сказка — новая быль».**
На **второй странице** обложки фотоэтюд Г. Сафонова **«В комнате сказок».**
На **четвертой странице** обложки рисунок художника Л. Каминского **«Где же внучка?»**

Редактор В. Л. БИАНКИ

Адрес редакции: Ленинград, Д-23. Фонтанка, 59, комн. 115

Сдано в набор 27/VI 1968 г. Подписано к печати 12/VIII 1968 г.
4 печ. л. М-14992 Заказ № 1010. Формат бумаги 70 × 108 1/16.
Цена 10 коп. Тираж 68.200 экз.
Типография имени Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57.

Друг-читатель!

Вот и прочёл ты сказочный номер «Искорки». Конечно, сказок ты знаешь гораздо больше. Ты встречался с ними в книгах, в театрах, в музеях, в кино. Поэтому мы хотим задать тебе три вопроса:

1. Какие сказочные сюжеты легли в основу музыкальных произведений!

2. К каким сказкам обращались художники и скульпторы, создавая свои картины, скульптуры!

3. Какие ты знаешь фильмы-сказки!

Мы подозреваем, что список, содержащий ответы, получится не маленьким. А коли так, то победителем в нашем конкурсе будет считаться тот, кто пришлёт нам больше других названий опер, балетов, симфоний, картин, скульптур, кинофильмов, в основу которых легла сказка.

Ответы ждём по адресу: Ленинград, Д-23, Фонтанка, 59. «Искорка». Срок — 1 октября.

Победитель конкурса и «Десятка лучших знатоков сказки» будут объявлены в «Искорке» № 12 и награждены дипломами редакции.

Итак, ждем! Кто первый!

Цена 10 коп

Тянет бабка. Тянет дед.
Толку мало: внучки нет!
Где же эта внучка?
А внучка – белоручка!